

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Павел Усанов

**Англия под властью дома
Стюартов: удалась ли
революция XVII века?**

Препринт М-107/24

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2024

УДК 33(7)
ББК 65.6
У74

Усанов П. В.

Англия под властью дома Стюартов: удалась ли революция XVII века? / Павел Усанов : Препринт М-107/24. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. — 46 с. — (Серия препринтов; М-107/24; Центр исследований модернизации).

Препринт посвящен одному из наиболее драматичных периодов в истории Англии — XVII веку, времени правления династии Стюартов. Рассматриваются политические, религиозные и экономические причины двух революций: 1649 и 1688 годов, — а также их последствия.

Информация об авторе: Усанов Павел Валерьевич — кандидат экономических наук, руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге, директор Института Хайека (usanovpv@mail.ru).

Если бы во времени, так же как и в пространстве, существовали степени высоты, то я искренне убежден в том, что высочайшим временем оказалось бы то, которое минуло между 1640–1660 годами.

Томас Гоббс [Барг 1991: 5]

ПОМНИТЕ!

Последнее слово
короля Англии Карла I
перед казнью
30 января 1649 г.¹

[Юм 2001: 448]

На знаменитой картине Ипполита Делароша 1849 г. изображен Оливер Кромвель (1599–1658), стоящий у гроба Карла I (1600–1649). Эта картина очень хорошо описывает ситуацию в Англии XVII века, когда происходила борьба короля и парламента: Кромвель проверяет, на месте ли тело Карла I, которое недавно было обезглавлено. Совсем скоро выяснится, что и самому Кромвелю предстоит потерять голову, правда после того, как лорд-протектор мирно скончается в 1658 г. и произойдет реставрация: сын Карла I, Карл II (1630–1685), взойдет на престол, новый монарх примет решение эксгумировать тело Оливера Кромвеля, обезглавить тело, а голову насадить на копьё напротив

---

¹ «За мгновение до того, как положить голову на плаху, король чрезвычайно серьезным тоном сказал Джаксону одно-единственное слово: “ПОМНИТЕ!”» [Юм 2001: 448].

Тауэра. Ирония судьбы состоит в том, что, хотя два врага Карл I и Оливер Кромвель надеялись преуспеть в нашей земной юдоли, тем не менее каждому пришлось оказаться обезглавленным: и стороннику монархии, и стороннику республики.

Предыдущий препринт был посвящен эпохе Тюдоров [Усанов 2024]. В этом препринте мы будем разбирать XVII век английской истории, который подробно исследовал Дмитрий Травин [Травин 2018]. В одном из предыдущих препринтов [Усанов 2023], который был посвящен промышленной революции, мы выяснили, что ее начало следует связывать с поражением в войне, которая Британская империя вела с тринадцатью североамериканскими колониями. Вследствие поражения в войне в 1783 г. король Георг III (1738–1820) вынужден был назначить премьер-министром Уильяма Питта-младшего (1759–1806). Поклонник Адама Смита (1723–1790) и сторонник политики фритредерства, Питт стал проводить политику всемерного сокращения государственного вмешательства в экономику, снижения налогов, таможенных пошлин, делая все возможное для увеличения внешней торговли Англии. Кроме того, мы выяснили, что в XVI веке не было особого экономического и политического прогресса в Англии. За исключением одного важного явления. А именно благодаря событию, произошедшему в 1534 г., когда король Генрих VIII (1491–1547) подписал акт о Супрематии, в Англии была создана собственная церковь — англиканская. Эта церковь сильно отличалась от других церквей XVI века в Европе. В отличие от эпохи религиозных войн в континентальной Европе, где господствовали идеи М. Лютера (1483–1546) и Ж. Кальвина (1509–1564), в Англии, благодаря тому что реформация проходила сверху, удалось избежать как гражданских войн, так и других политических потрясений². Несмотря на сменяемость монархов в XVI веке и изменчивость их отношения к католицизму и протестантизму, общая линия Тюдоров заключалась в стратегии «третьего пути». Этот путь должен проходить между крайностями католицизма, с одной стороны, и протестантизма — с другой³.

---

² «Вспоминая судьбу, выпавшую в те годы на долю Испании, Франции, Жены, Италии и Нидерландов и обусловленную религией, мы с полным основанием можем быть довольны тем, что в Англии церковные раздоры сдерживались политикой королевы и здравым смыслом большинства ее подданных — светских и духовных — и что религиозному фанатизму никогда не давали волю сводить на нет или извращать деятельность современников Елизаветы» [Тревелиян 2001: 188].

³ «Хотя англиканство еще сформировалось не окончательно, оно служило объединению людей с неуверенной или слабой верой. Оно также подходило тем, кто

Отсюда и неизбежные внутренние противоречия в самой доктрине англиканской церкви, которая, огрубляя, является синтезом папизма и пуританства, что в других странах было бы невысказано.

В этом препринте нам необходимо выяснить: что происходило в английской экономической и политической истории после смерти Елизаветы Тюдор в 1603 г., какой вклад внесла династия Стюартов в модернизацию общества [Coward 1980] и что произошло от воцарения на престоле Якова VI, он же Яков I (1566–1625), до последнего представителя династии Стюартов — королевы Анны (1665–1714)? Род Стюартов правил Англией с 1603 по 1714 г.⁴, после чего во главе этой страны встала династия Ганноверов, правившая вплоть до королевы Виктории. В настоящем препринте нас будет интересовать судьба Англии за обозначенный период: с 1603 по 1714 г., — 111 лет английской экономической политической и религиозной истории будут предметом нашего исследования⁵.

Экономисты любят «Славную революцию» 1688 г. Лауреаты Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт и Дарон Аджемоглу связывают ключевые события в экономической истории Запада с этой революцией.

просто хотел жить в ладу с ближними. На сторону пуритан встали люди, более сосредоточенные на требованиях собственной совести. Они считали человека изначально греховным, а спасения ждали только от милости Господней. Они отвергли практику исповеди и поддерживали активный самоанализ поведения и строгую самодисциплину. Пуритане хотели иметь дело не с епископатами, а с выборными старейшинами» [Акройд 2021а: 15].

⁴ «Форма правления, возникшая в Англии после Гражданской войны и революции 1688 г., представляла интересы торговцев и землевладельцев. Новое правительство больше соответствовало философии материального улучшения, которая во Франции развивалась медленнее, чем в Англии. Ранняя английская промышленная революция помогла подготовить путь к торжеству демократии в Европе XIX века. Она ослабила доктрину о том, что человеческие дела лучше всего упорядочиваются, когда контролируются сверху. Она укрепила другую, более новую доктрину о том, что прогресс зависит от предоставления свободного пространства для индивидуального предпринимательства» [Nef 1967: 157].

⁵ «В Англии задачи религиозной свободы и парламентского управления разрешались в близкой связи одна с другой. Англия даже временно не переставала быть нацией, что случилось, например, с Германией, и не передавала управление событиями в руки одного человека, подобно Франции. Главный интерес ее истории в XVII столетии заключается в борьбе за достижение двойной цели: во-первых, права народа самому распоряжаться своей судьбой и, во-вторых, права свободно выражать свои мысли, без чего даже парламентское управление представляется только более утонченной формой тирании» [Гардинер 1896: II].

Норт объясняет успех западных экономик и политических сообществ тем, что в странах Запада были приняты определенные экономические институты; он объясняет изменения в терминах марксизма: политическая «надстройка» меняется в результате изменений в «базисе». Аджемоглу объясняет причину успеха Запада демократическими институтами: в его логике процесс демократизации, который начался в Англии в конце XVII века, связан со все большей инклюзивностью политических институтов. Если Норт использует понятия «порядок ограниченного доступа» и «порядок открытого доступа», где под последним подразумевается экономико-политическая модель, позволяющая каждому достичь успеха, то Аджемоглу использует понятия инклюзивных и экстрактивных институтов, которые по-разному объясняют динамику тех или иных стран: почему одни страны богатые, а другие бедные. Именно с помощью этих понятий Норт и Аджемоглу пытаются решить фундаментальную исследовательскую проблему [Аджемоглу и Робинсон 2014; Норт и Вайнгаст 2011].

Но и тот и другой полагают, что за отсчет следует взять 1688 г., когда Вильгельм III Оранский (1650–1702) взошел на престол в Англии и был свергнут последний представитель династии Стюартов; хотя они продолжили формально править до 1714 г., тем не менее с потерей власти Яковом II (1644–1701) возможность Стюартов влиять на стратегию развития страны действительно стала близкой к нулю. Считается, что именно Вильгельм III Оранский создал в Англии конституционную монархию, где основным участником с тех времен является не монарх, исполняющий символическую роль, а парламент. В настоящем репринте мы постараемся исследовать эту проблему и ответить на вопрос, действительно ли «Славная революция» 1688 г. была ключевым событием английской истории и наиболее важной революцией в истории Запада, которая обеспечила последующее развитие не только Англии, но и всего мира. Нам необходимо будет ответить на вопрос: существуют ли положительные связи между промышленной революцией, которая случилась в конце XVIII века, то есть через 100 лет после «Славной революции», и тем, что стало происходить в английской экономике после прихода к власти Вильгельма III Оранского и после усиления власти парламента, который с тех пор считается главным политическим институтом Англии.

Если мы посмотрим на экономические результаты правления Стюартов, то на начало их правления в 1603 г. ВВП на душу населения Англии составлял 6170 \$, а на момент, когда власть перешла в руки

Вильгельма III Оранского (то есть на конец XVII века), — 8565 \$, что следует из знаменитых таблиц Энгаса Мэддисона [Мэддисон 2012: 570–571]. Таким образом, прирост реального благосостояния за весь XVII век составил 38,8 %, что очень далеко от тех темпов роста, которые мы можем наблюдать в XIX столетии и уж тем более в XX веке, где такой прирост экономики может вполне произойти за несколько лет⁶. Тем не менее, если мы будем сравнивать экономическую динамику XVII века в Англии с тем, что наблюдалось при Тюдорах, то должны будем признать, что темпы экономического роста и в целом экономический прогресс при Стюартах были выше, чем при Тюдорах. При этом нам необходимо разделить экономическую историю Англии при Стюартах на несколько периодов. Первый период, когда на трон взошел Яков I и правил до 1625 г. Его сын Карл I, печально известный тем, что был казнен как изменник своим же парламентом, правил с 1625 по 1649 г. В этот период не наблюдается особого экономического прогресса по сравнению с тем, что было во времена правления Тюдоров, то есть темпы экономического роста были близкими к нулю. Это так называемая эпоха до промышленной революции. Если мы возьмем период после 1649 г., когда к власти пришел Оливер Кромвель, и до 1688 г., то есть до прихода к власти Вильгельма III Оранского, мы можем увидеть удивительную динамику. Обычно революции, гражданские войны, большие потрясения ассоциируются с экономическим спадом, обнищанием, что выражается в сокращении подушевого ВВП. Тем не менее именно в этот период в Англии наблюдаются самые высокие темпы экономического роста не только в XVII веке; если сравнивать с предыдущим и последующими столетиями, выяснится, что это был самый удачный период экономической истории Англии за три века (лишь после промышленной революции темпы экономического роста оказываются выше — и то не сразу. Удивительным образом, хотя экономические успехи Запада связывают со «Славной революцией», именно после 1688 г. темпы экономического роста сильно замедляются, и на протяжении всего XVIII века (вплоть до промышленной революции) они оказываются чем-то средним между

---

⁶ «Видный специалист XIX века по экономической истории Англии Торольд Роджерс утверждал, что, “сопоставив заработки, арендную плату за жилье и цены, можно убедиться: тот период был временем чрезвычайной бедности большинства; временем, когда немногие могли разбогатеть, а многие скатывались в безысходную и практически постоянную нужду”. Некоторым тогда казалось, что поправить положение Англии невозможно. Один современник вопрошал: “Не пора ли уже молиться?”» [Акройд 2021a: 176].

темпами роста, которые были у Тюдоров, — они были близки к нулю — и темпами роста при Стюартах. То есть из трех периодов: 1) до 1649 г., 2) от 1649 г. до 1688 г. и 3) с 1688 г. до завершения правления династии Стюартов в 1714 г., — самым успешным был именно второй период⁷.

Таким образом, получается, что революция может оказаться не фактором деградации, не фактором экономического спада, а наоборот: даже в краткосрочном периоде она будет стимулировать увеличение темпов экономического роста и делать людей более богатыми.

Англичане не сразу стали называть события 1640–1660-х гг. революцией⁸. И это не случайно, ведь революция ассоциируется с хаосом, анархией и распадом экономики, а также привычного уклада. Для англичан немислим такой вариант развития событий. Только 200 лет спустя история вигов смогла интегрировать это событие в картину постоянного прогресса в истории английских политических институтов. Знаменитый Томас Маколей, описывая Гражданскую войну середины XVII века, стремится показать, что между политической борьбой роялистов и яйцеголовых и борьбой вигов и тори в конце XVII века было не только много общего, но они фактически были идентичны по своей сути⁹.

---

⁷ См.: https://www.researchgate.net/figure/GDP-per-person-England-1600-1869_fig12_228553349.

⁸ «Обычно под революцией понимают решительный разрыв с прошлым, произведенный посредством насилия, и установление нового общественного устройства. Однако в отношении событий в Британии середины XVII века определенно можно говорить, пожалуй, только о насилии и разрыве, поскольку последовавшие за ними социальные и экономические изменения были не столь радикальными и очевидными» [Кондратьев 2010: 174]. «Английские историки долгое время избегали употребления термина “революция” в отношении событий середины XVII века, предпочитая называть их “Великим мятежом”. В то же время Революция привила британцам стойкое неприятие утопических призывов к быстрому переустройству мира. Она способствовала формированию общества, в котором уважение к традициям, законности и полученному от предков общественному достоянию уживается с идеями индивидуализма, свободы и народного суверенитета. Революция научила англичан тому, что размахивать кулаками и пиками из-за несовершенства мира опасно и непродуктивно и что усовершенствование общества средни медленному пути в гору» [там же: 176].

⁹ Вопрос о политических партиях рассмотрен Маколеем. По его мнению, «две великие партии после долгой борьбы примирились для восстановления монархии», а затем вновь сделались «враждебными друг другу». Маколей убежден в том, что изменились лишь названия партий: «кавалеры» стали именоваться «тори», а «круглоголовые» — «вигами». Сущность же партий, на его взгляд, осталась неиз-

На самом деле события середины XVII века являются, возможно, центральными не только в истории Англии, но и в истории всего человечества.

Операция «преемник» в Англии

Дэвид Юм в своей знаменитой книге «Англия под властью дома Стюартов» [Юм 2001] описывает переход власти от одной династии к другой — от династии Тюдоров к династии Стюартов — как одно из наиболее мирных явлений в английской политической истории¹⁰. Никогда еще, по словам Дэвида Юма, так безболезненно, легко и естественно не переходила власть от одной династии к другой. Как известно, королева-девственница Елизавета I не оставила наследника¹¹, поэтому на ее правлении заканчивается период в английской истории под названием «эпоха Тюдоров». С эпохой Тюдоров связаны события, которые имели значение для дальнейшего развития Англии: это касается внешней политики, когда при Елизавете Тюдор потерпела крушение Непобедимая армада и Англия продемонстрировала, кто является главным на море, Испания с тех пор потеряла то господство, которое было у нее до поражения от англичан. Кроме того, наблюдались существенные изменения и во внутренней политике. Важные события, произошедшие при Тюдорах, связаны с реформацией, которая в Англии имела совершенно особый характер и заключалась в том, чтобы двигаться «срединным

менной [Лабутина 1982: 9]. Маколей справедливо объясняет это тем фактом, что в результате «великой Английской революции XVII века» верховный контроль над исполнительной властью перешел от короны к палате общин [там же].

¹⁰ «Английская корона никогда не переходила от отца к сыну так мирно и спокойно, как перешла она к дому Стюартов от дома Тюдоров. В продолжение всего царствования Елизаветы взоры ее подданных были заняты поиском преемника; когда же преклонный возраст приблизил перспективу ее смерти, выяснилось, что, кроме шотландского короля, уже никто не способен предъявить сколько-нибудь обоснованные права или притязания на английский престол» [Юм 2001: 3].

¹¹ «В 1603 г., отходя в мир иной, королева Елизавета Тюдор (прав. 1558–1603), поставившая Англию вровень с другими европейскими державами, завещала корону своему ближайшему родственнику Якову VI Стюарту, королю Шотландии (1567–1625), сыну когда-то казненной ею Марии Стюарт (прав. 1542–1567). Новый монарх, который будет править в Англии под именем Якова I (1603–1625), стал, таким образом, держателем трех корон — Шотландии, Ирландии и Англии» [Кондратьев 2010: 34].

путем» между католицизмом и протестантизмом, наказывая радикалов как с одной, так и с другой стороны за чрезмерное отклонение от «линии партии», которая определялась монархом.

«Линия партии» колебалась, причем достаточно сильно: при одном Генрихе VIII можно увидеть, как происходила динамика от чистого католицизма до Акта о супрематии; от попытки сохранить символику католической церкви, одновременно отказавшись от власти папы, когда монарх стал главой Английской церкви, вплоть до того, что Генрих VIII поддержал перевод Библии на английский язык, что до этого каралось смертной казнью. Сохранялись при этом репрессии в отношении как католиков, так и протестантов. Были казнены многие сподвижники короля, включая Томаса Мора.

Монархи, жившие после Генриха VIII, тоже были не очень устойчивыми в своих взглядах на церковь и религию и в разные периоды придерживались разных взглядов на то, какой должна быть англиканская церковь. Эдуард I — сын Генриха VIII — стремился более последовательно провести протестантскую линию; дочка Генриха VIII Мария Тюдор, которую в Англии принято называть Марией Кровавой, делала все возможное для подавления протестантизма и для возрождения католицизма; Елизавета Тюдор, правившая после Марии, полностью изменила свою стратегию и фактически стала придерживаться принципов гораздо более близких протестантизму, но даже она считала, что радикальные отклонения от того, что считает правильным англиканская церковь, должны караться смертной казнью, так что ни к какой действительной религиозной свободе в XVI веке в Англии говорить не приходится.

Тюдорам удалось сохранить политическую стабильность, они могли похвастаться этим, в отличие от других мест в Европе, таких как Франция, Испания, Нидерланды, Женева, Италия, где религиозные войны привели к смерти миллионов людей¹².

В Англии ничего этого не было — политическая власть осталась нетронутой, а религиозные институты были подчинены монархии, став, таким образом, функциональным институтом, обеспечивающим гражданское единство.

По существу, именно в этом заключалась главная роль англиканства — быть связующим звеном для повседневной жизни и практики англичан. К началу XVII века сторонники официальной церкви старались

---

¹² «Англия же была реальной и прагматичной страной развивавшегося опыта и разума, страной, генерировавшей «разумный эгоизм» [Ивонина 2016: 35].

не столько отстоять последовательно доктрину о троице или о предопределении, что было характерно для лютеран и кальвинистов, сколько интегрировать в официальный догмат и в свое мировоззрение противоречащие друг другу взгляды католиков и протестантов, предполагая, что церковь должна служить объединению, а не разъединению.

И в этом смысле, когда не стало Елизаветы Тюдор и на смертном одре она все-таки признала своим наследником Якова VI¹³ из Шотландии — в Англии он стал Яковом I, — то в момент передачи власти в английском обществе было множество ожиданий, связанных с тем, что Яков I станет новым Соломоном — мудрым правителем, который обеспечит мир и стабильность в Англии¹⁴. Собственно говоря, один из эпитетов, который родился после коронации Якова I, был таким: король-примиритель. Достаточно скоро выяснилось, что Яков I желал бы продолжить тенденцию на реформирование церкви и на признание новых условий. Так, в январе 1604 г. была проведена конференция в Хэмптон-Корте с привлечением представителей различных конфессий¹⁵; в процессе дискуссии выяснилось, что Якову I очень нравится заниматься теологическими вопросами, которые вызывают живую реакцию монарха, что демонстрировало готовность Якова I вступать в полемику по существу с теми, кто желает реформировать учение или сделать его более целостным. В этом отношении начало Хэмптон-Кортской конференции было обнадеживающим: свободу вероисповедания Яков I готов был даровать в гораздо большем объеме, чем это было характерно для

---

¹³ «Судьбу этого короля нередко именуют “жизнью между двумя плахами”, но злой рок, словно в древнегреческой трагедии, не ограничился только одним представителем династии, заставив ее через довольно короткий для истории срок драматически уйти с политической сцены» [Ивонина 2016: 34].

¹⁴ «В первые годы правления Якова I провозглашали Юлием Цезарем, царем Давидом, Ноем, царем Иоасом и даже Гомером. Он был вторым Августом, настоящим Иосией, мудрым и набожным монархом. Сложно понять, что может означать такое запутанное богатство сравнений, но одна добродетель короля вскоре вышла на первое место. Его стали называть Rex Pacificus, или Яков-миротворец. Миротворца славословили. Его правлению ничего не угрожало» [Акройд 2021а: 24].

¹⁵ «В начале своего правления по пути из Эдинбурга в Лондон Яков получил петицию. Под этим прошением его подданных-пуритан, известным под названием “Петиция тысячи”, стояли подписи тысячи представителей духовного звания. В сдержанных выражениях королю предлагалось удалить из таинства крещения крестное знамение, отказаться от свадебных колец, “поправить” слова “священник” и “отпущение грехов”, ликвидировать обряд конфирмации, не “настаивать” на шапочке и саккосе, облачении клириков англиканской церкви» [Акройд 2021а: 14].

эпохи правления Тюдоров. Символично, что сама эта конференция проходила в том самом дворце, который был построен при Генрихе VIII, то есть при монархе, создавшем англиканскую церковь.

В Хэмптон-Корте в 1604 г., вполне возможно, могла бы произойти маленькая революция без кровопролития — признание равных прав за католиками и протестантами, тогда Англия полностью освободила бы себя от тех процессов, причем довольно болезненных, которые происходили в континентальной Европе.

Но был пункт, который не устраивал Якова I: он был связан с тем, что делегаты хотели ограничить власть епископов и получить гораздо большую степень политической свободы. Дать большую религиозную свободу Яков I был готов, а вот отказаться от институтов монархии — ни в какой степени. Уже в Шотландии Якову I стало понятно, что сама по себе пресвитерианская церковь¹⁶, которая господствовала в Шотландии, не слишком позволяла институту монархии реализовать полноценно свои функции¹⁷. Когда Яков I стал монархом, он обещал часто появляться в Шотландии и советоваться с жителями, но после получения власти появился на родине только один раз и то ненадолго, — очевидно, его интересовала возможность усиления своей власти в столице, при этом удобнее было реализовывать эти планы, находясь в Лондоне. Главное, что вынес Яков I из Хэмптон-Кортской конференции, — это то, что монархия, как понимала ее Яков I, несовместима с теми политическими институтами, которые желают навязать пресвитериане¹⁸. На тот момент

---

¹⁶ «Благодаря своему шотландскому воспитанию, ко всем вопросам, касавшимся пуританизма, Яков привык относиться с предубеждением, — вряд ли он позабыл тот день, когда один пуританский священник взял его за рукав и, публично обращаясь к нему, назвал его “неразумным вассалом Божьим”» [Гардинер 1896: 15].

¹⁷ «Король стремился уступать пуританам в определенных моментах, искренне веря, что умеренная политика, “Средний путь”, поддержит единство внутри Церкви. В зимнюю стужу камин Хэмптон-Корта ярко пылал, а король, епископы и даже делегаты пуритан кутались в меха. Все, казалось, шло без серьезных осложнений, пока Рейнольдс не заговорил о том, что епископам королевства следует советоваться с пресвитерами. Вот тут король взвился. Слово “пресвитер”, название старшего в христианской церкви, вызывало в нем неприятные ассоциации» [Акройд 2021a: 17].

¹⁸ «2 января 1604 г., некоторые из предложенных ими изменений были полностью одобрены, их передали в особую комиссию для узаконивания в ближайшую сессию парламента. Но по главным вопросам Яков оставался в своем мнении непоколебим. Основные церковные порядки и правила должны исполняться неуклонно» [Гардинер 1896: 15].

такое равновесие было приемлемым для двух сторон. Одновременно дается больше религиозных свобод и при этом ключевые аспекты церковной иерархии остаются в ведении монарха — все продолжают признавать его божественные права. В какой-то момент придется все равно делать выбор между сохранением монархии и требованиями реформы религии. Но не в 1604 г.¹⁹ Таким образом, решение в краткосрочном периоде заключалось в том, чтобы оставить все как есть, или, иначе говоря, двигаться тем самым «Срединным путем» (*via media*), которым стала двигаться Англия с 1534 г.

Но одно довольно трагическое событие повлияло на Якова I пугающим образом — это знаменитый пороховой заговор, который мог привести к тому, что был бы взорван не только английский парламент, но практически весь центр Лондона. Яков посчитал, что за этим пороховым заговором стоят те, кто, не признавая власть монарха, стремится расшатать и разрушить политические институты, которые обеспечили Англии стабильность. Несмотря на трагические события 1605 г., а также рост недоверия друг к другу монарха и парламента и, если так можно выразиться, оппозиции, последующий период правления Якова I (вплоть до его смерти в 1625 г.) был достаточно стабильным, и каких-то больших перемен при этом короле в Англии не происходило²⁰.

Были попытки реформирования экономики — в частности, на словах Яков I выражал недовольство, соглашаясь с позицией парламента о том, что монополисты совсем зарвались и необходимо каким-то образом

---

¹⁹ Действительно, гонения продолжались: «Ранней весной 1612 г. два последних человека, обвиняемых в ереси, были приговорены к смерти. Эдвард Уайтмэн высказал мнение, что Христос был “обыкновенным смертным, а не Богом и человеком в одном лице”, а он сам и есть ветхозаветный Мессия. Бартоломью Лигейт проповедовал против обрядов и представлений государственной Церкви, а также признался королю, что не молился семь лет. Яков выгнал его: “Прочь, подлейшее существо! Никто не скажет, что я позволил пребывать передо мной человеку, который ни разу не молился нашему Спасителю целых семь лет”. Лигейта сожгли на костре в Смитфилде в марте 1612 г., а Уайтмэн последовал за ним в огонь через месяц в Личфилде. Уайтмэн прославился, если можно так выразиться, как последний сожженный в Англии еретик» [Акройд 2021а: 57].

²⁰ Системе продолжили подчиняться: «В июне 1616 г. король собрал судей и обвинил их в нарушении субординации. Они пали на колени, заверяя в своей преданности и покорности» [Акройд 2021а: 80]. «Короли, по существу, и есть судьи, — заявил он [Яков I] членам своего Совета, — правосудие должным образом дано им от Бога... Я помню слова Христа: “Моя паства слышит мой голос”, и я уверен, что мой народ охотно услышит мой голос, голос их пастыря и короля» [там же: 81].

бороться с монополиями, которые даруются самой короной, особенно с теми, кто выступает посредниками при продаже права на ту или иную монополию²¹. Как известно, при Якове I господствовали: политика меркантилизма, кумовство и коррупция²². Собственно, это было и до Якова при Тюдорах. Парламент выражал недовольство и озабоченность тем, что монополисты совершенно не считаются с законами, злоупотребляют своими правами и тем самым подрывают «общее благо», завышая цены и занижая качество продукции. Парламентарии требовали, чтобы монополии находились под лучшим контролем. Соглашаясь с этим, Яков I фактически ничего не делал для ослабления власти монополий. Сохранилось огромное количество монополий: на сахар, на соль, на мыло, на стекло; в целом британская экономика того периода была ярким примером бюрократической экономики, разделенной на части по средневековому цеховскому принципу. Кроме того, символично, что Яков I, стремясь пополнить бюджет²³ — а в то время были серьезные проблемы с конкурентоспособностью английской продукции, — пытался ввести так называемые добровольные налоги²⁴.

---

²¹ «Борьба с монополиями, начавшаяся в конце правления королевы Елизаветы, сыграла свою роль в экономике Англии. В декларации палаты общин 1604 г. утверждалось, что “передача в руки нескольких людей продажи основных наиболее многочисленных товаров противоречит естественному праву и свободам подданных Английского королевства”. Тем не менее по-прежнему выдавались патенты на такие виды деятельности, как осушение болот, выработка бумаги, добыча соли из морской воды, изготовление клинков и производство металла без древесного угля» [Акройд 2021а: 54].

²² «Если бы я действовал, как ваша республика, — говорил король послу Венеции, — и начал наказывать тех, кто берет взятки, то скоро оказался бы без единого подданного» [Акройд 2021а: 31].

²³ «Для вечных долгов короля были и другие причины, кроме фаворитизма. Постоянный рост цен, нежелание землевладельцев платить новые налоги — все вносило свой вклад в превышение расходов двора над его доходами» [Акройд 2021а: 36].

²⁴ «Во время роспуска парламента несколько епископов и крупных землевладельцев передали в сокровищницу британской короны Тауэра лучшие образцы своего столового серебра для продажи, и король решил, что их примеру должна последовать вся страна. Таким образом, он затребовал “добровольные пожертвования” от каждого графства и всех городков страны. Однако результаты не радовали. Один дворянин из Мальборо, Оливер Сент-Джон, отказался отправлять королю деньги, основываясь на том, что “добровольное пожертвование” противоречит Великой хартии вольностей. Против него возбудили дело в суде Звездной палаты и посадили в Тауэр» [Акройд 2021а: 65].

Если при Елизавете Тюдор подобного рода желание монарха не вызвало бы больших дискуссий и тем более выступлений с позиции «это нарушает наши естественные права», то при Якове I ситуация уже изменилась; зарождался новый класс людей, которые готовы были защищать свою собственность и права — это были прежде всего джентри. Один из членов парламента даже заявил о том, что отказывается платить так называемый добровольный налог, потому что «он противоречит Великой хартии вольностей».

Возможно, это было одним из первых политических заявлений, когда член парламента требовал соблюдения одного из элементов неписаной английской конституции 1215 г. При Тюдорах никто не позволил бы себе даже упоминания о Великой хартии вольностей при обсуждении вопросов, которые были связаны с «божественными правами» монарха. И при Якове I, и при Карле I ситуация была не лучше: человек, который сказал, что добровольные налоги противоречат естественному праву и Великой хартии вольностей, был отправлен в тюрьму, провел там один год и после этого был настолько сломлен, что никто из знакомых не мог узнать его после выхода из заключения²⁵. Так что и борьба с монополиями, и изменения, связанные с политической риторикой, не привели на тот момент к серьезным изменениям жизни англичан.

Что касается религиозной политики, то у Якова I, как и у его предшественников Тюдоров, была довольно противоречивая позиция: с одной стороны, в Хэмптон-Корте Яков I проявил определенную либеральность

---

²⁵ «Некоторые все же не желали платить принудительную подать. Более богатых упрямцев вызывали на Тайный совет, где их либо отправляли в тюрьму, либо помещали под домашний арест вдали от семейств. Тех, кто победнее, заставляли идти в армию или на флот, где они отдавали жизни вместо денег. Среди тех, кто отказался платить, было пять рыцарей, которые решили оспаривать законность королевского займа в судах и впоследствии попали в тюрьмы графств. Их судьба вызывает широкое недовольство королем.

Позже большую популярность приобретет еще один несогласный. Джон Хэмпден, землевладелец из Бекингемшира и бывший член парламента, был вызван в суд в конце января 1627 г. для объяснений своего отказа выплачивать принудительный заем. «Я мог бы согласиться дать займы, — ответил он, — да боюсь навлечь на себя проклятие из Великой хартии вольностей, которое следует читать дважды в год против тех, кто ее нарушает». Другими словами, он заявлял, что король поставил под сомнение основные права и свободы своего народа. Хэмпдена на год отправили в тюрьму Гейтхаус в Вестминстере и содержали так сурово, что, по рассказу современника, «потом он уже никогда не выглядел прежним человеком» [Акройд 2021а: 179].

в готовности выслушать своих оппонентов; он защищал то или иное воззрение, исключительно апеллируя к Библии, что было характерно для протестантов. Он осуществил новый перевод Библии, который до сих пор является самым популярным. В 1604 г. Яков I изгнал всех иезуитов из политических соображений²⁶. При этом сказать, что Англия стала протестантской страной, довольно трудно²⁷, потому что из Англии бежали религиозные диссиденты, прежде всего пуритане, основывая в Америке колонии, и уезжали они именно вследствие религиозных гонений²⁸.

Таким образом, при Якове I произошло разделение английского общества: с одной стороны — сторонники официальной англиканской церкви, а с другой — радикальные пуритане, считавшие, что их обманули и никакой реформации на самом деле в Англии не произошло, что нужно радикально изменить религиозные обряды и обновить саму религиозную жизнь. Они требовали прежде всего равных политических прав.

---

²⁶ «В феврале 1604 г. иезуитские священники, полностью подчинявшиеся Риму, были изгнаны из королевства. Наверное, этот шаг стал разумной мерой предосторожности, однако пламенные католики восприняли его как угрожающий знак» [Акройд 2021а: 24].

²⁷ Протестанты в Англии считали, что «католические государства Европы — враги Англии, а внутри страны католики настолько обнаглели, что дерзают называть протестантов кликой» [Акройд 2021а: 105]. «По рукам ходила рукопись под названием “Том-скажи-правду”, в которой говорилось, что Яков, возможно, и “защитник веры”, согласно его титулу, но вера эта — католическая; что он глава Церкви бездействующей, а не Церкви активной и победоносной. Довольно скоро Яков издал “указания относительно проповеди”, в которых духовенству запрещалось делать “резкие выпады и произносить неподобающие оскорбительные речи” против католиков» [там же: 108].

²⁸ Не в последнюю очередь они также бежали от абсолютизма в политике. Так, «в 1616 г. он сказал, что поклялся блости справедливость и законы, основные законы страны, на основании которых “король управляет, а народ повинуется, насколько то позволяла ему человеческая слабость и как указывал разум”. Если закон был неясен, то дело парламента — устранять неясности его. Но прямым делом его, короля, было судить за тем, чтобы судьи не позволяли себе придумывать разных новшеств. В представлении Якова, прерогативы короны давали ему право контролировать самовластие судей. “Дело королевской власти, — сказал он, — удерживать каждый суд в его настоящих пределах”. Потом, разгорячившись, король добавил следующие слова: “Что касается до абсолютных прерогатив короны, то это не есть предмет разговоров для юристов и оспаривать их незаконно. Оспаривать могущество Божье может только богохульник и безбожник; добрые христиане беспрекословно исполняют Его волю, выраженную Его словом; точно так же будет дерзостью и оскорблением» [Гардинер 1896: 31].

Следует отметить, что это сильно отличает интенцию пуритан первой половины XVII века в Англии от тех требований, которые были у реформаторов в первой половине XVI века в Германии (Лютер) и Женеве (Кальвин), а потом во Франции и Голландии. Там люди гибли за разное понимание догмата троицы и готовы были сжигать на костре еретиков, отстаивая учение о предопределении.

Реформация в Англию пришла несколько запоздало и носила более светский характер, когда основные дискуссии касались вопросов не теологии — хотя они также активно обсуждались, — а политики. Англичане проявили в целом гораздо меньшую готовность уничтожать своих оппонентов за религиозные взгляды; те, кто находился в меньшинстве, желали признания равных политических прав с официальной церковью. Инклюзивность англиканской церкви в XVII веке стала распространяться на религиозные меньшинства. Но были те, кто продолжал «раскачивать лодку»²⁹.

«Рыцарь печального образа»

Сын Якова I Карл I взошел на престол в 1625 г. [Cust 2005]. В молодости он провел много лет в Испании, откуда привез большую коллекцию картин³⁰. Яков I изгнал иезуитов и при этом хотел заключить выгодный для Англии брак между Карлом I и испанской принцессой. Карл I находился большую часть юности в тени своего харизматичного отца и, унаследовав от него упертость и неготовность идти на компромиссы, при этом не обладал теми чертами, которые были характерны для Якова I.

Карл I был невысокого роста — всего 163 см, страдал от заикания, но был даже больше, чем его отец, убежден в том, что имеет полное

---

²⁹ Это были пуритане. «Считалось, что пуритане Бога любят всей душой, а всем сердцем ненавидят ближнего» [Акройд 2021а: 16]. Акройд считает, что это суждение несправедливо.

³⁰ «К концу своего правления Карл собрал около 500 картин и гобеленов, среди которых девять работ Корреджо, тринадцать — Рафаэля и сорок пять — Тициана. Голландцы однажды прислали ему пять картин, чтобы склонить к разрешению спора по поводу промысла сельди; а город Нюрнберг преподнес две работы Дюрера. Кроме того, он коллекционировал монеты и медали; с наслаждением сочинял музыку. Его любовь к порядку проявлялась во всем. Когда в Уайтхолл доставили коллекцию бюстов сенаторов и императоров Древнего Рима, он лично постарался расставить их в хронологическом порядке» [Акройд 2021а: 218].

право как король требовать послушания и со стороны общества, и со стороны парламента³¹. Хотя в Англии практически не было тех, кто соглашался с идеями абсолютизма, тем не менее сам Карл I был сторонником того, чтобы отстаивать свои монаршие привилегии. Но если его отцу удалось сохранить баланс и все-таки не дойти до гражданской войны, то у Карла I этот баланс сохранить не получилось³². Некоторые историки полагают, что ключевой конфликт между парламентом и монархом произошел за несколько лет до смерти Якова I — в 1621 г.³³ Когда Якову I потребовались новые источники финансирования, он попытался надавить на парламент, но у него ничего не вышло — он получил от парламента отповедь.

Но и парламент не стал претендовать на то, чтобы ограничивать власть монарха, — следовательно, конфликт существовал в скрытом виде и должен был выйти на поверхность в новых исторических обстоятельствах. Они произошли далеко не сразу: первый период правления Карла I был достаточно стабильным³⁴, некоторые историки даже считают, что самый стабильный период в политической истории Англии — это

---

³¹ «Карл в свои пятнадцать лет обладал многими добродетелями принца. Он отличался в теннисе и в сражениях на копьях, любил лошадей и театр масок, к тому же уже слыл ценителем изобразительного искусства и музыки. Тем не менее он был набожным и сдержанным, немногословным и даже замкнутым, покрывался краской смущения, услышав грубое слово. Посол Венеции докладывал, что принц прилагает все усилия, чтобы «поддерживать своего отца, разделять его взгляды, доставлять ему удовольствие и поступать только так, как поступает отец. В присутствии отца он всегда старается скрывать собственные чувства». Таким образом, Карл рос неуверенным и нерешительным, склонным придерживаться нескольких принципов, которые уже усвоил раньше» [Акройд 2021а: 80].

³² «Карл обычно говорил, что враги хотят низвести его до положения венецианского дожа» [Акройд 2021а: 302].

³³ «Яков отстаивал королевскую власть, а парламент — свои привилегии. По мнению Элиота, возможность договориться существовала, но в тот момент ее упустили. Это был камень преткновения, на котором в будущем воздвигнут британскую конституцию. Видный правовед XIX века барон Джон Кэмпбелл писал, что «заседание парламента 30 января 1621 г. можно считать отправной точкой того великого движения, которое ровно через двадцать восемь лет приведет к отсечению головы английского монарха на основании судебного приговора, вынесенного его подданными» [Акройд 2021а: 105].

³⁴ «Сэр Филип Уорик в своих «Воспоминаниях о правлении Карла I» (Memoirs of the Reign of Charles I) утверждал: «С 1628 по 1638 г. Англия, я полагаю, больше, чем когда-либо, наслаждалась миром, достатком и имела благочестивую власть» [Акройд 2021а: 220].

период за десять лет до начала гражданской войны, то есть с 1630 по 1640 г. [Carlin 1998]³⁵.

Англичанам удалось купировать последствия разрушительных гражданских войн на период с 1517 г., когда Лютер написал свои знаменитые «95 тезисов против индульгенций», и до 1640 г., избежав гигантского количества потерь жизней и имущества, которые были характерны для других стран, по которым прошли реформация и контрреформация.

У англичан появились новые конкуренты³⁶, и основной предмет экспорта Англии — шерсть — стал гораздо менее конкурентоспособным, чем продукция иностранных производителей; особую роль здесь играла Голландия, которая не только была главным конкурентом английских производителей, но и обладала гораздо более развитым флотом, чем английский³⁷. Именно это заставило Оливера Кромвелля ввести в 1651 г. знаменитый Навигационный акт.

Новые конкуренты означают новые проблемы: вы теряете рынки сбыта, ваша продукция оказывается более дорогой, чем у голландцев, вы сталкиваетесь с большим количеством издержек при транспортировке.

---

³⁵ «После разгона парламента в марте 1629 г. Карл вступил в эпоху единоличного правления, которая продлилась одиннадцать лет. Фактически он начал эксперимент по абсолютной монархии с надеждой на покладистый народ, повинующийся его повелениям. Нельзя сказать, что он был плохо подготовлен к такой роли. В определенном смысле это было время тишины: никаких споров в парламенте, никаких замысловатых деклараций или воззваний от трона. Как в театре маски, королю не требовалось говорить — само его присутствие обеспечивало величественность и гармонию. И так же, как в маске, он мог управлять машинерией на великой сцене мира. Карл имел достаточно высокое мнение о своем верховном положении, не без самодовольной уверенности в собственной праведности, чтобы считать это мнение справедливым» [Акройнд 2021а: 208].

³⁶ «Самая прибыльная отрасль английской промышленности и английского экспорта — сукноделие — после 1614 г. вступила в пору затяжного кризиса. Если в начале правления Стюартов Англия вывозила сукно в Европу почти на 1,2 млн фунтов, то в 1640 г. объем экспорта составил менее 850 тыс. фунтов. Одна из причин застоя сукноделия лежала в низком качестве экспортируемых сукон, вывозимых монопольно купцами-авантюристами в Германию и Голландию, где голландские предприниматели подвергали их дополнительной обработке и выгодно перепродавали, а также в ужесточившейся конкуренции со стороны голландских производителей» [Кондратьев 2010: 47].

³⁷ «Голландская торговля, которая может быть названа международной, сосредоточивает в Соединенных провинциях бесчисленное множество товаров, которые она потом распространяет по всей остальной Европе. Она сама почти ничего не производит, а между тем снабжает людей всем необходимым» [Эйри 1896: 94].

Как результат, вы имеете менее динамично развивающуюся экономику, что и было характерно для периода правления Карла I, — следовательно, вы имеете меньшую налоговую базу, при этом вам для защиты своих собственных политических интересов приходится бороться за новые территории и вступать в схватку с конкурентами не только в коммерческой сфере, но и в военной. Получается дихотомия: с одной стороны, вы теряете финансовую базу, что стало происходить уже при Якове I, но приобрело гораздо больший масштаб при Карле I, а с другой — вам нужно тратить все большее количество денег на поддержание внутренней безопасности, на армию и, в конце концов, на новые войны.

В какой-то момент должен был произойти разрыв между стремлением собрать с подданных как можно больше денег в казну и интересами других классов, которые в парламенте готовы были защищать свою собственность и свои интересы, отличные от интересов монарха.

Карлу I не повезло в том, что его принципиальность столкнулась с принципиальностью нового класса джентри и в конечном итоге с новой идеологией, зародившейся в парламенте³⁸.

Как уже отмечалось, при Якове I в полемике между монархом и парламентом происходили отсылки к Великой хартии вольностей, то есть фактически к ограничению власти монарха; при Карле I эти тенденции приобрели гораздо больший размах³⁹.

Один из конфликтов, который произошел между парламентом и Карлом I, состоял в том, что Карл I захотел ввести корабельный сбор для пополнения бюджета; этот корабельный сбор давно не собирался, тем более в мирное время⁴⁰.

---

³⁸ “It you otter to plunder our castle, Be assurd we will give you battle”.

«Коль нашу грабить станете скотинку,

То знайте, что и мы возьмемся за дубинку» [Гизо 1996: 22].

³⁹ «Карл прибегал к чрезвычайным средствам, чтобы добыть необходимые деньги, и денежные взыскания налагались и на преданных короне постоянных дворян, налагались штрафы за депопуляцию (depopulation) имений, за постройку новых домов в Лондоне (считалось, что этот город разрастается слишком быстро). В том же 1635 г. на торговлю обрушились новые налоги, причем права парламента совершенно не принимались в соображение» [Гардинер 1896: 109].

⁴⁰ «Осенью 1634 г. опять вышел королевский приказ о взимании корабельного налога — впервые в мирное время. В предыдущий раз корабельные деньги собирали в 1626 и 1627 гг., когда висела угроза одновременной войны с Францией и Испанией; люди выражали недовольство налогом, но заплатили, поэтому показалось разумным использовать его повторно» [Акройд 2021а: 231].

Еще в XI веке он использовался для того, чтобы защищать приграничные территории от викингов. Никаких викингов в середине XVII века в Англии не было, и тем не менее такой налог Карл I стремился ввести. Теперь его должны были платить не только регионы, которые были близкие к побережью, но и все остальные. Это вызвало волну недовольства в парламенте и заложило бомбу замедленного действия под отношения между парламентом и монархом.

Как мы видим, ключевые конфликты той эпохи носят скорее не религиозный характер, а политический; ключевой вопрос, который должен был решиться в период этого конфликта, — о том, кто должен править в Англии: монарх или парламент. Потому что по традиционному праву в Англии правят монарх, палата лордов и палата общин. Соответственно, есть конфликт интересов, который надо каким-то образом разрешить.

Парламент усиливался, финансовое благосостояние его членов увеличивалось, в том числе за счет того, что члены парламента обогащались благодаря торговле (включая заморскую), они чувствовали себя гораздо более финансово независимыми, чем раньше, и видели, что их коммерческий успех никак не связан с действиями монарха. С другой стороны, монарх стал гораздо более слабым, чем его предшественники, поскольку не обладал достаточной харизмой и необходимыми финансовыми ресурсами для ведения успешных войн.

В момент очередной войны с Шотландией англичане впервые за 300 с лишним лет не только проиграли битву шотландцам на чужой территории, но и вынуждены были отступить, отдав временно часть своей территории.

В этой критической ситуации Карл I пытался получить поддержку от парламента. Парламент старался выторговать себе определенные права и привилегии в ответ на те ресурсы, которые требовались Карлу I для ведения войн; в какой-то момент стало понятно, что парламент не готов давать деньги тому монарху, который не справляется с функцией «эффективного менеджера»: монарх не выполняет функцию объединения нации, не может обеспечить безопасность, собирает несправедливые налоги.

В 1640 г. происходит первый военный конфликт между монархом и парламентом; вначале у парламента были большие проблемы с армией, а лучше подготовленная армия Карла I оказалась способна одерживать победы над плохо организованным противником, были даже надежды на то, что Карл I сможет подчинить себе парламент. А ведь еще совсем недавно каждый монарх считал себя вправе разогнать парламент, когда этого захочет.

Теперь же Карл I не мог себе такого позволить, он должен был договариваться с парламентом, но процесс поиска компромиссов провалился. Тогда единственный для монарха способ подчинить парламент себе — взять Лондон. Война была очень кровавой, хотя принимали участие с одной и с другой стороны не больше 20 000 человек, что несопоставимо с численностью населения Англии (в те времена — больше 5 600 000 человек).

Тем не менее это была «кровавая баня», фактически две армии шли в рукопашный бой, не очень хорошо понимая смысл данного конфликта. Большинство англичан даже считали, что спор между парламентом и монархам нужно решить бросанием монеты⁴¹. 40 000 человек — это, конечно, много, но по сравнению с численностью населения в Англии — ничтожная величина.

В какой-то момент стало понятно, что парламент побеждает⁴². Карл I оказался в плену, ему предложили возможность договориться, но он отстаивал свое божественное право монарха, отказываясь идти на компромиссы. В результате ему удалось бежать и вновь организовать армию для того, чтобы пойти на Лондон. После того как второй раз Карл I оказался в руках парламента, было принято решение судить его как изменника, приговорить к смертной казни и казнить.

Казнь была приведена в исполнении 30 января 1649 г. Впервые в истории Англии помазанника Божьего казнили как изменника, отрубив ему голову.

Надо сказать, что победа парламента вовсе не была предопределена: общество разделилось примерно на две равные части. Одна часть — это

---

⁴¹ «Большинству населения было ни жарко ни холодно. Вероятно, людей не интересовали взгляды сторон, но их тревожили и пугали перемены, которые произошли в королевстве. Рьяные поборники обеих сторон провоцировали конфликт, и именно они его закончат. Остальные держались в сторонке и ждали. Их не волновала форма правления, пока, по словам члена парламента Артура Хейзелрига, «они могли пахать и ходить на рынок». Некоторые говорили, что дело следует решить, подбросив монету» [Акройд 2021а: 332].

⁴² «Роялистские войска часто обвиняли в пьянстве и распутстве, в первые месяцы войны сообщалось, что в Лестершире группа королевских солдат убила женщину на восьмом месяце беременности. Пуританский ремесленник из Истчипа Нехемия Валлингтон писал, что «они угрожают, кричат, богохульствуют и командуют, грабят, мародерствуют и делают всяческое зло».

Однако злоупотреблениями занимались не только кавалеры. Роялисты, возможно, разносили питейные заведения, но сторонники парламента оскверняли церкви. Атмосфера войны превращает людей в животных» [Акройд 2021а: 326].

северо-запад — была за монарха, а юг и восток — за парламент. Собственно, почему — легко понять: в Лондоне концентрировалось богатство, там был парламент и большая часть людей выступала против монарха; при этом интересно, что молодежь была скорее на стороне монарха, а не парламента. Удивительным образом это оказалось довольно прозорливым, потому что буквально через десять лет произойдет реставрация монархии.

«Рыцарь печального образа» — так можно назвать Карла I — был убежден, что его средневековые права и привилегии дарованы ему Богом и никакое собрание, никакой парламент не имеют права лишить его божественных прав; и уж тем более лишить его жизни. Именно этот человек, отказываясь от признания новой реальности, довел ситуацию до гражданской войны, которая закончилась взаимной резней. В тот момент, когда Карлу I отрубили голову, окружающие его люди ждали этого события и желали его, но, как только голова была отрублена, все услышал такой вой в центре Лондона, какой никогда вновь англичане не хотели бы услышать⁴³.

Диктатура Кромвеля

Оливер Кромвель [Morrill 2007], зарекомендовавший себя как талантливый военный, способный решать сложные стратегические и тактические военные задачи⁴⁴, достаточно быстро выбился в лидеры и к мо-

---

⁴³ «На эшафоте стояли два тщательно замаскированных палача. Их личности так и остались нераскрытыми. Один удар отправил Карла в мир иной. Главный палач поднял голову и традиционно объявил: “Смотрите, вот голова изменника!” В этот момент, по словам очевидца Филипа Генри, “разнесся такой стон тысяч присутствующих, какого не хотелось бы слышать больше никогда”» [Акройд 2021a: 415].

⁴⁴ «Веря в то, что он действительно избранный слуга Господа, он после сошествия на берег в порту Дублина в конце штормового плавания поклялся выступить Крестовым походом на “диких и кровожадных ирландцев”. В глазах Кромвеля они очень уступали англичанам и по крови, и по вере. Он относился к ирландцам как к недочеловекам.

Согласно четкому приказу Кромвеля, всех, кто держал в руках оружие, предали мечу. Таков был закон войны: 3000 солдат гарнизона, а также все священники и монахи погибли. “Я убежден, — писал Кромвель, — это справедливая Божья кара диким мерзавцам”. Воспоминания о той резне хранятся в памяти народа Ирландии и по сей день. Сообщалось, что на месте, где сейчас находится Булл-Ринг, было

менту казни Карла I фактически стал главой всего государства. Когда в 1649 г. была отрублена голова Карла I, многие страны, в том числе Франция и Россия, отозвали своих послов, Алексей Михайлович даже выгнал всех английских купцов, которые занимали приличную долю в России. Весь мир воспринял гибель короля как ужасное событие, да и сами англичане, кажется, были не рады тому, что случилось, и не очень представляли себе последствия своего решения.

Тем не менее в Англии на относительно недолгий промежуток времени установилась республика⁴⁵. Ни до, ни после в Англии республики не было.

Долгий парламент продолжал существовать до 1653 г., когда был разогнан Оливером Кромвелем.

Кромвелю предлагали титул монарха, от которого он отказался, хотя фактически вся власть — причем неограниченная — находилась в руках этого диктатора, однако он решил назвать себя лордом-протектором.

Это был человек с достаточно радикальными религиозными взглядами, период его правления можно назвать диктатурой пуританства⁴⁶, когда были запрещены скачки, театр и другие традиционные для англичан развлечения⁴⁷.

убито 200 женщин. Там установлена мемориальная доска в память о кромвелевской резне» [Акройд 2021а: 423].

⁴⁵ «Самый неотложный вопрос составляли финансы, для содержания и оплаты армии в 70 000 солдат отчаянно требовались деньги. Члены Совета прибегли к новым налогам, обращениям за займами к Сити и конфискациям имущества роялистов. Это не помогло, поскольку в тот год случился страшный неурожай, в результате которого масса жителей Ланкашира и Вестморленда погибла от голода» [Акройд 2021а: 417].

⁴⁶ «Не следует также забывать, что принцип веротерпимости, усвоенный Кромвелем, был далек от совершенства. Он смотрел на старинное церковное богослужение только как на суеверие, которое можно было допускать в частных домах и в тайных собраниях, без явного преследования, но которое отнюдь не должно было появляться на свет божий» [Гардинер 1896: 109].

⁴⁷ «Кромвель попытался произвести исправление нравов, которого совершенно очевидно не смог добиться последний парламент. Генерал-майорам полагалось “поощрять и поддерживать благочестие и добродетель”, и в результате увеселения народа были в значительной степени пресечены. Полковник Прайд, который возглавлял чистку парламента семь лет назад, провел облаву в лондонском Бенксайде, где развлекались травлей медведей. Он самолично убил всех медведей, а потом приказал своим солдатам свернуть шеи боевым петухам в других районах Лондона. По всей стране закрывались питейные дома, запрещались театральные пред-

Сам Оливер Кромвель, будучи индпендентом, был убежден в том, что всем правит божественное провидение и Божья воля реализуется через его — Оливера Кромвеля — действия⁴⁸.

Поэтому все его решения были как бы инспирированы свыше. Религиозный фанатизм, апелляция не к разуму, а к чувствам, убеждение в том, что всем правит проведение, роднили Оливера Кромвеля с религиозными фанатиками первой волны реформации, такими как Кальвин и Лютер⁴⁹.

В своей радикальной религиозности Кромвель доходил до того, что принимал законы против прелюбодеяния, которое каралось смертной казнью: были казнены за это преступление четыре женщины и, кстати говоря, ни одного мужчины⁵⁰.

ставления, а также другие “празднества и праздники”. Народные нравы эти меры улучшили, однако народные симпатии режим Кромвеля потерял. Люди не хотели, чтобы ими управляли, чтобы их исправляли военные чиновники со штатной командой тайных агентов и доносчиков. Страну невозможно привести к процветанию при помощи диктата и государственных надзирателей» [Акройд 2021а: 454].

⁴⁸ «Религиозность Кромвеля была главной особенностью его натуры. Угнетенное состояние духа послужило питательной средой или катализатором для внезапного откровения (и мы не знаем, когда именно оно снизошло), что он один из “избранных”. Ослепительный свет благодати Божьей окружил его, и он преобразился. Кромвель писал своей кузине Элизабет Сент-Джон: “Я живу (вы знаете где) в Мешеке, который, говорят, символизирует «продление», в Кедаре, что означает «мрачность», но Господь еще не оставляет меня”. Это отсылка к 120-му псалму: “Горе мне, что я пребываю у Мосоха, живу у шатров Кидарских”.

Аллюзии на библейские тексты и истинная набожность составляли основу веры Кромвеля.

Он знал, что был спасен милостью Божьей, и уверенность в искуплении лежала за всеми его решениями; он безоговорочно верил в силу воли Божьей управлять поступками людей. Он ждал и молился о знаке. Он писал: “Мы следуем за Господом, который указывает нам путь”.

Он искал божественного значения в происходящих вокруг него событиях и рассматривал все в контексте вечного бытия Бога. Поскольку он имел свое понимание того, что он называл “истинным знанием” и “вечной жизнью”, его раздражали религиозные дебаты и доктринальные тонкости» [Акройд 2021а: 364].

⁴⁹ «В 1656 г. он призывал студентов университета вместо того, чтобы изучать книги, изучать свои собственные сердца» [Hutton 2004: 113].

⁵⁰ «Парламент принял несколько законов, изданных для всеобщего благосостояния; например, закон, объявляющий прелюбодеяние преступлением, караемым смертной казнью.

Казнили четырех женщин и ни одного мужчины» [Акройд 2021а: 431].

Достаточно быстро Кромвель понял, что разнообразие мнений⁵¹ в парламенте — это не то, что ему нужно, на тот момент были различные фракции: индепендентов, пресвитериан, левеллеров, диггеров, которые по-разному смотрели на конфликт парламента и монарха. Пресвитериане, в принципе, были готовы заключить с монархом какой-то договор, ограничивающий право каждой стороны; левеллеры требовали полного уравнивания; индепенденты, к которым относился Оливер Кромвель, хотели полностью отказаться от любой церковной иерархии, но при этом сам Оливер Кромвель был борцом с диггерами, которые стремились в процессе выравнивания пойти дальше левеллеров и отменить частную собственность. Можно сказать, что диггеры являлись первыми большевиками XVII века.

Все это поле было зачищено Оливером Кромвелем, фактически произошел сдвиг центра от англиканской церкви к пуританству. Поклонники Карла I и представители официальной англиканской церкви уехали в изгнание, так же как и Карл II, ожидая падения Оливера Кромвеля. Пока же Кромвель уничтожал «уклон вправо» и «уклон влево», вся власть концентрировалась в его руках.

Так что англичане достаточно быстро увидели, как работает республика, и могли сопоставить правление Карла I с правлением Оливера Кромвеля.

Кромвель боролся с инакомыслием: закрывались газеты, бросали в Тауэр тех, кто был не согласен с лордом-протектором, Кромвель все активнее вмешивался в хозяйственную жизнь⁵², что не было характерно для его предшественников⁵³; увеличивалось количество налогов, со-

---

⁵¹ «Говорю вам, с этими людьми можно справиться только одним способом — полностью уничтожить... если вы не уничтожите их, они уничтожат вас». Как сказал Кромвель в другом случае: «Не обижайся на способ действий Господа, — возможно, другого выхода не оставалось» [Акройд 2021а: 421].

⁵² «Страну разделили на одиннадцать округов, или групп графств; во главе каждого округа поставили генерал-майора строгих пуританских убеждений. Военные командиры, находящиеся на этой должности, получили инструкции поднять налоги и возродить местную милицию, контролировать поведение духовенства и учителей, арестовывать подозрительных личностей и предотвращать дальнейшие восстания роялистов. Они содержались за счет специального налога, наложенного только на роялистов. Этот налог называли “десятинным сбором”, взимая одну десятую доходов малигнантов с земли: их заставили безропотно подчиниться этой несправедливости» [Акройд 2021а: 453].

⁵³ «В 1651 г. был нанесен жестокий удар коммерческому преобладанию Голландии. В этом году в Англии прошел знаменитый навигационный закон, которым

здавалось все больше контролеров, которые должны были регулировать цены, следить за качеством продукции, его подчиненные должны были бороться с грехами и пороками, то есть в Англии царила диктатура а-ля Кальвин в Женеве, где сжигали на площади ведьм и ученых.

Закончилось все это тем, что неспособность договориться Кромвеля с парламентом привела к тому, что Долгий парламент был разогнан 1653 г.⁵⁴ Кромвель пытался создать несколько аналогов парламента, но они также не смогли с ним ни о чем договориться. Поэтому до конца своей жизни лорд-протектор совершал единоличное правление, пожалуй даже более диктаторское, чем правление Генриха VIII⁵⁵.

Англичанам повезло, что Оливер Кромвель, будучи не очень здоровым человеком, был фанатично убежден в том, что промысел определяет все, и не слишком беспокоился о своем здоровье. Буквально за несколько месяцев до своей смерти он отрицал ее возможность по той причине, что он предопределен Богом к особой миссии и вера защитит его.

В 1658 г. Оливера Кромвеля не стало⁵⁶.

После этого власть по наследству, почти как монаршая, перешла к его сыну. Ричард Кромвель был очень молодым и нехаризматичным человеком, он попал в круговорот заговоров, произошел военный переворот, в результате которого Ричард потерял власть; один из генералов, вместо того чтобы провозгласить себя новым монархом или же новым

воспрещалось ввозить в Англию какой-либо товар, представлявший произведение Африки или Америки, иначе как на судах английской постройки, под командой английских шкиперов, и чтобы три четверти их экипажа были англичане. Этот закон уничтожил для голландцев всякое транспортное дело с Англией и повел за собой возобновление старой борьбы между двумя странами» [Эйри 1896: 94–95].

⁵⁴ «Кларендон отметил, что “этот удивительный человек, не имея никакой другой причины, кроме того, что он так решил... возвел себя на трон трех королевств, не назвавшись королем, но забрав больше власти и возможностей, чем когда-либо имел или требовал любой король”» [Акройд 2021а: 445].

⁵⁵ «Груды нищих бродили по стране в количествах, невиданных с прошлого столетия. Сельских джентри и других землевладельцев разоряли различные налоги. Тем, кто поддерживал монархию, угрожала конфискация или продажа земель. Тюрьмы были переполнены должниками» [Акройд 2021а: 433].

⁵⁶ «Когда один из руководителей квакеров, Джордж Фокс, посетил Кромвеля, он говорил, что “увидел и почувствовал дыхание смерти... Он выглядел как умирающий человек”. На последней неделе августа Кромвель снова слег. У него началась, как тогда называли, “трехдневная лихорадка” — форма малярии с приступами каждые три дня. Приступ начинался ознобом и ощущением холода, затем следовала стадия сухого жара и, наконец, пот ручьем» [Акройд 2021а: 469].

лордом-протектором, принял решение о том, чтобы написать прошение Карлу II о возвращении его на престол в Англию. Карл II находился в этот момент в континентальной Европе⁵⁷.

В 1660 г. происходит возвращение Карла II, и вместе с его возвращением начинается период стабилизации⁵⁸.

Еще недавно англичане мечтали о том, чтобы отрубить голову своему королю, и достаточно быстро были разочарованы последствиями такого решения.

Уже в середине 1650-х многие англичане с надеждой смотрели на перспективу возвращения законного монарха на престол⁵⁹. Их надежды материализовались. 30 апреля 1660 г. Карл II вернулся из изгнания, вскоре была совершена коронация. Народ, ликуя, встречал своего монарха.

---

⁵⁷ «Карл II переехал в Гаагу, где шесть членов палаты лордов и двенадцать человек из палаты общин получили его аудиенцию. Карл отплыл в Англию 24 мая на борту судна, недавно получившего название “Принц”. Рано утром 26 мая он прибыл в Дувр, где, сойдя на берег, встал на колени, чтобы вознести благодарение небу. Монк ожидал его коленапоклоненным. Мэр Дувра преподнес Карлу Библию, и тот принял подарок, сказав, что “вот то, что он любит превыше всего на свете”. Карл посетил в кафедральном соборе англиканскую службу по Книге общих молитв. На всем пути следования короля сопровождали толпы людей. Он нашел время, чтобы написать младшей сестре Генриетте Анне: “Я так оглох от воплей народа, что и не знаю, пишу я дело или безделицу”. Оттуда король поехал прямо в Лондон, чтобы подтвердить и отметить свершившуюся реставрацию династии Стюартов» [Акройд 2021a: 484].

⁵⁸ «Личный друг Карла II Стюарта, английский писатель, знаток и ценитель искусств Джон Ивлин, оставил нам довольно привлекательный образ этого короля: “государь со многими добродетелями и многими великими недостатками, жизнерадостный, легкий, доступный, не кровавый и не жестокий”.

Я за тобой последую тропою славной,
Лукреций мой учитель и наставник,
Тропой, проложенной для многих поколений,
Аллеей радости, свободы, наслаждений,
Из них свобода обладает дивным свойством
Дверь открывать в сад райских удовольствий,
Как соль и перец оживляют пресный ужин,
Свобода пряностью для духа служит,
Беру от жизни все и наслаждаюсь этим,
А как иначе жить на белом свете?» [Иволина 2016: 195].

⁵⁹ «25 апреля 1660 г. Карл II, предлагал амнистию всем лицам, кроме тех, которые исключены парламентом, обещал сохранить конфискованные имущества за их последними владельцами, гарантировал религиозную терпимость и созыв свободно-го парламента» [Лабутина 1982: 33].

Карл II обещал простить изменников, за исключением тех, кто непосредственно участвовал в убийстве его отца Карла I. Поэтому было эксгумировано тело Оливера Кромвеля, и он был публично обезглавлен.

Либертин лучше рыцаря

Карла II часто называют «веселым монархом», потому что большую часть времени он проводил не за государственными делами, а за различного рода попойками и любовными приключениями⁶⁰. Известно, что у него только официально было 17 любовниц, от которых было 14 детей⁶¹. Скабрезные шутки, пошлые и грубые песни и стишки — это то, чем развлекалось окружение Карла II в периоды между оргиями, которые устраивались монархом⁶².

Если Карла I можно назвать «рыцарем», даже «рыцарем печального образа», то Карла II — его сына — можно назвать «либертином», который

---

⁶⁰ «В жидком восторге я полностью растворяюсь,

Таю, став спермой, прохожу через каждую пору,

Причиной — прикосновение любой ее части:

Ее руки, ее ноги, ее взгляда и вульвы.

Автор этих строк Джон Уилмот, граф Рочестер, был яркой звездой двора Карла II. В возрасте семнадцати лет в Рождество 1664 г. он прибыл в Уайтхолл с письмом королю от герцогини Орлеанской из Франции. Достаточно скоро он вошел в круг острословов, окружавших короля, а весной 1666 г. был назначен джентльменом при спальне» [Акройд 2021а: 587].

⁶¹ «Дух придворной жизни при Карле II ярко иллюстрирует жизнь одного из либертинов английского двора, Джона Уилмота, 2-го графа Рочестера. Рочестер прославился в Англии и Европе как автор едких сатир, любовной лирики и стихов непристойного содержания. Темы своего интеллектуального творчества он черпал из жизни, являясь неизменным участником кутежей, веселых проделок и множества любовных историй» [Ивонина 2016: 195].

⁶² «По-прежнему сложно высказаться с какой бы то ни было ясностью по поводу религиозных убеждений короля Карла II. Он умер католиком и, возможно, тайно принял католичество еще в изгнании.

Но, судя по всему, Карл не имел достаточно твердой веры, чтобы придерживаться какой-либо определенной конфессии: он был политик, а не благочестивец. Различия в вероисповеданиях совсем его не интересовали, и он частенько поддразнивал брата Якова, яркого католика, по поводу скандальной жизни римских пап. О собственных сексуальных шалостях он говорил, что Бог не проклянет мужчину за небольшое удовольствие. У него был легкий нрав и спокойная совесть» [Акройд 2021а: 490].

говорил про себя, что он «в своей жизни не сказал ничего глупого и не сделал ничего умного»⁶³.

Никто не ожидал, что этому монарху предстоит достаточно долгое правление — он будет править вплоть до 1685 г., то есть 25 лет⁶⁴.

Это будет наиболее яркий и успешный период в истории Англии⁶⁵. И касается это не только экономического прогресса, когда во всех крупных городах Англии появились дилижансы⁶⁶. Это будет эпоха научного прогресса, когда увидят свет знаменитые исследования Исаака Ньютона и Роберта Гука, а также многих других знаменитых английских ученых. Это период, когда были написаны знаменитые труды Джона Локка. Кроме всего прочего, это период, когда произойдет официальное возвращение к принципам Великой хартии вольностей, потому что именно при Карле II подписывается один из главных документов английской неписаной конституции — Habeas Corpus 1679 г.⁶⁷

---

⁶³ «Кто-то заметил о Карле, что он ни разу не сказал ничего глупого и не сделал ничего умного — суждение, для которого, хотя оно и грешит явным преувеличением, его характер и поступки, кажется, давали известные основания. Когда королю сообщили эту фразу, он ответил, что все это очень легко объяснить тем, что его слова принадлежат ему самому, тогда как его действия — министрам» [Юм 2002: 404].

⁶⁴ «Первый, мирный, период царствования Карла стал временем бурного роста английской коммерции и промышленности. Значительный размах приобрели торговые связи с Ост-Индией и Гвинеей; англичане превратились, по сути, в монополистов в торговле с Испанией» [Юм 2002: 129].

⁶⁵ «Только после гражданской войны реальная заработная плата стала существенно повышаться» [Кондратьев 2010: 52].

⁶⁶ «К 1685 г. англичане имели самый большой коммерческий флот в мире. Английские суда везли сахар, табак и хлопок на огромное лондонское торжище. Картину материального благополучия дополняют следующие факты. В 1672 г., например, между Лондоном и всеми основными городами королевства пустили дилижансы; сообщалось, что “каждый городок в пределах 32 километров от Лондона переполнен ими”. Повсеместность дилижансов предвещала реорганизацию транспорта в следующем столетии с дальнейшим развитием платных дорог и каналов. Страна постепенно ускорила темп развития и одновременно обрела целостность» [Акройд 2021а: 587].

⁶⁷ Ранее с этим были проблемы: «Пять рыцарей арестовали за отказ выплачивать королю принудительный заем. От их имени заявлялось, что отклонять незаконный заем — не преступление; а если нет преступления, то их нельзя держать в тюрьме. Рыцари подали прошения о выдаче приказов Habeas Corpus (habeas corpus), чтобы освободиться из-под незаконного ареста, заявляя, что в соответствии с Великой хартией вольностей “ни один свободный человек не будет аресто-

Именно при Карле II возникает разделение английского парламента на партии: на партию вигов и партию тори. Если мы посмотрим на экономическую динамику, то также следует признать, что после реставрации и вплоть до прихода к власти Вильгельма III Оранского экономическое развитие было наиболее успешно не только в XVII веке, но и в XVIII столетии, вплоть до начала промышленной революции.

Дэвид Юм [Юм 2001], доброжелательно отзываясь о Карле II, все же перечисляет его «слабые стороны»: гигантское количество похождений, склонность к разврату, оргии. Кроме того, конечно же, двор был в высшей степени коррумпирован.

Но при этом Юм призывает нас смягчить наш приговор: признавая, что это был доброжелательный, мягкий человек с чувством юмора, который был хорош хотя бы тем, что не был злым, и про него говорили, что главное качество, позволяющее ему не натворить бед, — это лень.

Оказывается, что для экономического прогресса, как и для модернизации, гораздо полезнее не тот монарх, который считает себя рыцарем, как Карл I, а тот, кто не слишком много времени посвящает государственным делам и больше занимается своей личной жизнью, пускай и не очень добродетельной.

Даже трагические события 1665 и 1666 гг. — чума и пожар — не привели к тому, что период правления Карла II стал ассоциироваться с трагическим периодом в истории страны⁶⁸.

ван или заключен в тюрьму иначе как по законному приговору равных и по закону страны”.

Защитники короля, в свою очередь, утверждали, что рыцари арестованы по специальному распоряжению их сюзерена и никакого другого основания не требовалось» [Акройд 2021a: 186].

⁶⁸ «Власть парламента после его успеха в гражданской войне неизмеримо возросла; король теперь не имел возможности ни собрать деньги с подданных, ни арестовать кого-то без согласования с парламентом. В финансовом отношении Карл теперь тоже зависел от субсидий, ежегодно выделяемых ему парламентариями в Вестминстере. Власть короля сократилась и в других отношениях. Суд Звездной палаты не восстановили. К попыткам создать крупную постоянную армию относились с большим подозрением. Возросло также влияние Сити, и с событий тех лет мы можем отсчитывать начало функционирования государства коммерсантов, ориентированного на тех, кто продает и покупает. Власть, прежде сосредоточенная в руках одного человека, без разницы — Стюарта или Кромвеля, стала более сбалансированной и распределенной» [Акройд 2021a: 491].

Наоборот, в это время начинают процветать английская литература, наука⁶⁹, философия, в том числе политическая философия, признаются права в Habeas Corpus, появляется политическая конкуренция⁷⁰, все большую роль начинают играть газеты, которые активно описывают текущие события, в том числе личную жизнь монархов и представителей парламента. Появляются кофейни, которые становятся местами, где обсуждают политику, экономику, науку, культуру. Кофейни сыграют большую роль как места, где элиты станут обсуждать проекты изменения общества, которые потом будут воплощены.

Так что «веселый» Карл II оказался в наибольшей степени совместимым с экономической и политической модернизацией⁷¹.

---

⁶⁹ «Это была эпоха научных наблюдений и экспериментов. Один знакомый притащил в дом Пипса 12-футовое стекло, через которое они пытались разглядеть Луну, Сатурн и Юпитер. На улице Пипс случайно встретил Роберта Гука, и экспериментатор сказал ему, что может подсчитать количество взмахов, которые муха делает своими крыльями. До этой встречи Пипс ходил на лекцию Гука по искусству сбивать войлок. Во время путешествия на лодке из Ротерхита в Грейвсенд он читал книгу Роберта Бойля “Гидростатические парадоксы” (Hydrostatical Paradoxes). Пипс обратил внимание на “замечательную редкость: рыбок, которые живут в стеклянном сосуде с водой”. Когда он купил часы, они ему так нравились, что он постоянно держал их в руке и по 100 раз смотрел, сколько сейчас времени» [Акройд 2021a: 516].

⁷⁰ «Можно усмотреть некоторое начало формирования партий в современном их понимании с 1674 г., в палате общин стала складываться оппозиция королевскому делу, имеющая целью установление ограничений власти короля и поддержание верховенства парламента.

Эти люди не рассматривали себя и своих сторонников как фракцию и не называли партиями, поскольку этот термин подразумевал раскол или нелояльность, однако в 1673 г. парламентарий сэр Томас Мерес имел основания говорить: “эта сторона парламента и та сторона”» [Акройд 2021a: 557].

⁷¹ «В список импортируемых товаров входили табак, сахар, индиго и имбирь из колоний, а также индийские хлопчатобумажные ткани. Значительная часть этих товаров затем реэкспортировалась на английских судах в континентальную Европу. Мелкопоместное дворянство после неудачного эксперимента с республикой вновь обрело свою роль в качестве лидеров местного общества, но, похоже, не вернулось к прежнему благодушию. Многие из них обратили пристальное внимание на новые агротехнические приемы. Даже фермеры занялись так называемыми усовершенствованиями, которые повышали производительность земли. В этот период страна была в состоянии экспортировать зерно в материковую Европу. Тогда же возник большой класс “специалистов”; основными среди них были юристы и врачи, но бухгалтеры и профессиональные управляющие поместьями тоже встречались» [Акройд 2021a: 510].

Это еще более удивительно, если сравнить правления недалекого монарха с тем, что начинает делать просвещенный Вильгельм III Оранский, пытаясь создать институты современного общества.

Удивительно, но, по всей видимости, период, когда не было окончательно решено, кто же главный в английском обществе, был наиболее успешным⁷².

Карл II вернулся в Англию и возродил центральную роль англиканской церкви⁷³.

Его позвали назад быть монархом, понимая, что для сохранения политической стабильности нужен противовес парламенту в виде монарха: в процессе напряжения между монархом и парламентом родилась система, идеально подходящая для англичан, где конкуренция двух властей обеспечивает то, что людям не мешают жить, как они хотят⁷⁴.

Либертин Карл II, не желая этого, проводил политику либертарианства, когда люди были предоставлены сами себе, именно эта политика привела к колоссальному прогрессу вплоть до смерти Карла II в 1685 г.⁷⁵

---

⁷² «60–80-е гг. XVII века отмечены в Англии интенсивным развитием хозяйственной жизни. В это время наблюдался: значительный рост производительных сил как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Быстро увеличивалось национальное богатство страны, росла ее внутренняя и внешняя торговля, развивались и укреплялись мануфактуры» [Лабутина 1982: 48].

⁷³ «Открыто объявив себя приверженцем англиканской церкви, Карл II в глубине души оставался католиком. Карл II считал, что королевская власть не должна иметь иных ограничений, кроме тех, которые сама себе устанавливает» [Лабутина 1982: 40].

⁷⁴ «Политическим результатом реставрации 1660 г. было восстановление власти короля, парламента и закона вместо “насильственной власти” военной диктатуры. В церковно-религиозной области она восстановила епископов, “Книгу общих молитв” и англиканское отношение к религии вместо пуританского» [Тревелия 2001, 273].

⁷⁵ «В последние четыре десятилетия XVII века действительно чрезвычайно повысился интерес к научным экспериментам, причем до такой степени, что в 1667 г. историк Королевского научного общества Томас Спрэт уже смог отметить тот факт, что “всеобщее рвение к развитию таких проектов распространилось не только при нашем дворе и в стенах университетов, но и в мастерских наших механиков, на полях наших дворян, в домах наших фермеров и на кораблях наших купцов”. Истоки промышленной и сельскохозяйственной революций, условно относимых к XVIII веку, находятся в предыдущем столетии. В XVII веке, начало которого осветил гений Фрэнсиса Бэкона, мы находим общее стремление, как пишет Спрэт, к “истинному познанию вещей”» [Акройд 2021а: 538].

Жизнь Карла II является частным случаем утверждения о том, что для процветания общества необходимо, чтобы государство меньше вмешивалось в личную жизнь граждан⁷⁶.

Такие «неяркие» политики, как Куллидж и Гардинг, в Америке 1920-х и в конце XIX века, когда правили не самые яркие президенты США, доказывают, что слабая власть может быть источником силы для общества. А в Англии это еще и подтверждается слепым и сумасшедшим в буквальном смысле слова Георгом III, который не мешал экономике развиваться в период промышленной революции.

Иначе выражаясь, либертин во власти, заботящийся только о своих удовольствиях и не тратящий время на государственное руководство, гораздо лучше, чем рыцарь, думающий о своих божественных правах монарха⁷⁷.

Правление не по понятиям

После смерти Карла II на престол восходит Яков II. Известно, что, умирая, Карл II совершил обряд причастия, пригласив католического священника.

Всю свою жизнь Карл II был крипто-католиком, несмотря на то что вел довольно развратный образ жизни. Тем не менее он был, по всей видимости, глубоко верующим человеком, при этом «не дразнил гусей» и не делал публично тех заявлений, которые могли бы разрушить неявный договор между парламентом и монархом, что каждый из

---

⁷⁶ «Учредительный (Convention) парламент назначил Карлу пожизненный доход в 1 200 000 фунтов. Всем было известно, что этого недостаточно, но никто не предложил его увеличить» [Эйри 1896: 79].

⁷⁷ «В 1685 г. Англия стала радикально другим местом, чем была в 1600 г. Она стала более городской, более торговой, более индустриальной и более процветающей. Стали значительно лучше пути сообщения — как по морю, так и на суше. Англия сильно развила внутренний рынок с отдельными региональными особенностями. Страхование сделало торговлю менее рискованной, а почта позволила легче организовывать ее. Кофейня обеспечила новое место встреч, где можно было вести общение ради бизнеса. Но, вероятно, еще важнее было то, что Англия отошла от общеевропейского экономического стандарта. Хотя ее население в конце XVII века практически не росло, экономика страны оставалась динамичной, в то время как остальная Европа в основном переживала стагнацию» [Пинкус 2017: 134].

них признает необходимость противоположной стороны и принимает «срединный путь англиканства».

Совсем по-другому начинает себя вести его наследник (брат Карла II) Яков II, который был еще более убежден в превосходстве католической веры. Он провел большую часть жизни во Франции, являлся поклонником французской культуры, — естественно, и католицизм был для него гораздо ближе.

Его активное стремление продвигать католицизм в Англии в конце XVII века столкнулось с тем, что даже папа римский просил Якова II умерить пыл в данном процессе, потому что это может плохо закончиться.

Но Яков II считал себя «святей римского папы» и делал все возможное для довольно грубого насаждения католицизма в стране, которая привыкла искать компромиссы.

Англиканство и его центральная роль устраивали практически всех. Недовольные могли уехать в Америку — пуритане так и делали. А в Англии оставались те, кто готов был мириться с разномыслием. Несмотря на то что Англия считается страной протестантской, которая прошла через реформацию, в конце XVII века монарх проводит политику усиления власти католиков, он давит на парламент для того, чтобы фактически насадить католицизм, он также начинает давить на университеты, что считалось совершенно «не по понятиям»⁷⁸, потому что университеты еще со Средних веков были довольно независимыми институтами, в то время как Яков II фактически требует, чтобы они были распущены, если они не хотят принять учение католический церкви⁷⁹.

---

⁷⁸ «В этом отношении королю явно не хватило ума. Беспокойство англиканцев проявилось при решении Якова навязать свою волю Оксфордскому университету. Он устроил непокорным ученым разнос и приказал им покинуть помещение. “Отправляйтесь по домам, — кричал король. — Убирайтесь, знайте — я король. Мне подчиняются, и я приказываю вам проваливать”. Магдален-колледж теперь, по сути, превратился в оплот католицизма, ежедневно в его часовне проводилась месса. Однако победа короля была пирровой, своим поступком он восстановил против себя огромное количество духовенства и потерял репутацию, которую надеялся заслужить религиозной терпимостью. Историю в Магдален-колледже широко обсуждали, и раздражение и негодование равнодушием короля к чувствам англиканцев все росло» [Акройд 2021а: 612].

⁷⁹ «Он стремился очистить суды от всех тех, кто мог быть недоволен его политикой или властью. По оценкам, в течение своего правления Яков II заменил до девяти десятых мировых судей в каждом графстве. Их места заняли католики, которые при отсутствии полицейских сил стали главными представителями закона и королевской власти. Ряды городских муниципалитетов и лорд-лейтенантов

Новому монарху недолго пришлось демонстрировать английскому обществу то, что «такой монарх нам не нужен». Англичане одному монарху уже отрубили голову, вернули другого монарха на престол, но не для того, чтобы тот указывал им, как жить. Во всяком случае, если он стремится указывать, как им жить, то должен учитывать иные взгляды.

Поэтому Якова II можно назвать монархом, который правил не по понятиям [Speck 2002].

Возник конфликт, который, так же как и в 1640-е гг., мог закончиться гражданской войной, но парламент хотел избежать кровавых столкновений такого масштаба, поэтому уже подготовил «резюме» альтернативного монарха, у которого также были определенные права на английский престол.

Вильгельм III Оранский фактически был приглашен парламентом к тому, чтобы взять власть, и хотя формально произошла революция — смена власти, — можно назвать ее элитным переворотом, когда во главе государства становится более подходящий для парламента монарх.

Получается, что хотя в Англии могут отрубить голову монарху, но все же Англия не хочет избавлять себя от того, чтобы быть монархией⁸⁰.

При этом, если монархи начинают себя вести не в соответствии с уже сложившимися традициями, а пытаются изменить равновесие в свою пользу, не учитывая другие группы интересов, то такой монарх может и должен быть «уволен»⁸¹. Именно уволен, а не казнен. Поэтому Якову II дают возможность бежать из Англии, мало кто становится на

графств тоже прочистили. Тем же летом король учредил комиссию по церковным делам для “предотвращения неблагоприятного назидания”. По существу, это был орган, предназначенный утвердить права католиков. Члены комиссии имели полномочия лишить любого клирика средств к существованию, отлучить от церкви любого мирянина и, что, наверно, еще важнее, регламентировать работу школ и университетов королевства» [Акройд 2021а: 610].

⁸⁰ «В результате “Славной революции” в Англии установилась конституционная, ограниченная парламентом монархия, и “вместе с новой династией началась новая эра — эра союза земельной аристократии с финансовой аристократией”. С того времени, подчеркивает К. Маркс, в стране “сохраняется конституционное равновесие между привилегией крови и привилегией золота”» [Лабутина 1982: 172].

⁸¹ «Жизнь Якова II, являвшего собой, по сути, прообраз военного диктатора, в реальности была драмой — драмой чужака, дважды изгнанника, воспринявшего континентальную культуру и причудливо преломившего ее через свое восприятие мира, на которое решительным образом повлияли потрясения, пережитые Англией в середине столетия» [Иволина 2016: 287].

его защиту. Вильгельм III Оранский получает корону и правит вместе с Марией Стюарт. Период их правления считается довольно успешным с точки зрения политической стабильности. Пришел монарх, уважающий «понятия»⁸².

Миф о 1688 годе: как Англия стала родиной интервенционизма⁸³

Почему, скажите, мы лучше рабов, когда
Мы сменили Короля, сохранив мошенников
навсегда?

Поэт-виг в 1689 г.

[Пинкус 2017: 405]

Если представить себе соотношение между двумя властями — парламентом и монархией — в виде бочки меда и ложки дегтя, то в начале правления Стюартов гораздо больше власти было у монарха: то есть если «мед» — это правление монарха, то в бочке «меда» была ложка «дегтя» (права парламента). На конец XVII века, после «Славной революции», ситуация изменилась, и мы можем говорить о ложке «меда» в бочке «дегтя». Формально сохранились оба института — и монархия, и парламент, — но центр принятия решений переместился именно в парламент.

Хотя ключевые события для экономического прогресса были еще при Карле II, при том самом либертине, который признал Хабеас Корпус,

---

⁸² Отсюда особое значение 1688 г. для историков: «Особое место в нашем понимании современного мира и революций, которые оказали влияние на его формирование. Большую часть времени в течение трех веков ученые, общественные деятели и интеллектуалы идентифицировали английскую революцию 1688–1689 гг. как определяющий момент в истории Англии.

Политические философы ассоциировали ее с зарождением либерализма. Социологи сравнивают ее с французской, русской и китайской революциями. Историки указывают на революцию как на подтверждение необычной природы английского государства. Специалисты по литературе и культуре придают большое значение революции 1688–1689 гг. как важному моменту в формировании английского здравого смысла и сдержанности» [Пинкус 2017: 14].

⁸³ См.: [Мизес 2024: 175–297].

тем не менее прогресс чаще всего связывают с последствиями «Славной революции» 1688 г. [Мокир 2017]⁸⁴.

Фактически же мы видим, что англичане смогли обеспечить выполнение лозунга «Вся власть парламенту»⁸⁵. И такое движение оказалось для Англии не самым результативным по крайней мере в XVIII веке. Степень экономического развития снизилась после прихода к власти Вильгельма III Оранского. Почему так произошло?

По всей видимости, после прихода к власти Вильгельма III Оранского и усиления парламента возникла идеальная ситуация для того, чтобы усилить власть государства, но вот только теперь во главе государства де-факто стояли различные группы интересов, а не монарх, который продолжал формально быть, но не играл ключевой роли в хозяйственной жизни страны⁸⁶.

Создавшиеся группы интересов прежде всего были заинтересованы в поиске ренты за счет монополизации власти, которая и до этого была налицо.

Одно из важнейших решений, принятых после «Славной революции», — создание первого в истории Центрального банка. В 1694 г. в Англии был создан Центральный банк, который должен был получать привилегии от государства, и за те средства, какие предоставлял Банк Англии на ведение войн Вильгельму III Оранскому, он получал привилегии от государства, позволявшие Банку Англии обладать монополией на эмиссию.

Если почитать дискуссии конца XVII века о создании Центрального банка, то аргументация будет очень близка к тому, что в XX веке станут говорить Джон Мейнард Кейнс и его последователи о необходимости создания такого органа, который бы обеспечивал эффективный спрос; о том, что Центральный банк — это кровеносная система экономики; о том, что живительная влага новых денег будет стимулировать

---

⁸⁴ «При Карле II впервые в Англии были предприняты попытки создания национального банка. В 1661 г. было предложено два проекта... Проект Английского банка в период реставрации не был воплощен в жизнь. Создание государственного банка стало возможным лишь после “Славной революции”» [Лабутина 1982: 61].

⁸⁵ «Палата общин заявила, что только ей принадлежит право определять государственную религию» [Акройд 2021a: 202].

⁸⁶ «Армии, участвовавшие в военных действиях, разрастались. Налоги увеличивались в геометрической прогрессии» [Акройд 2021b: 16].

экономический прогресс. Обо всем этом писали публицисты уже тогда в проекте создания Банка Англии⁸⁷.

На самом деле создание Банка Англии породило особое явление, которое поддерживало вигов⁸⁸: происходило усиление класса финансовых спекулянтов, которые были завязаны на Центральный банк, фактически происходило усиление коррупционных элементов внутри финансового комьюнити. Формально это выглядело как увеличение богатства Сити, появление все большего количества финансовых посредников и инструментов, но на более глубоком уровне это было связано с тем, что особые привилегии получали финансисты Сити за счет создания деформированного государством рынка, то есть рынка в том числе государственного долга — сам этот институт служил особым интересам. Было принято много регулятивных мер после прихода к власти Вильгельма III Оранского, которые были направлены на защиту интересов вигов⁸⁹. В Сити господствовали финансисты, и партия вигов делала все возможное для сохранения своей власти за счет тех привилегий, которые давал Банк

---

⁸⁷ «Самым красноречивым сторонником Банка Англии был Х. М., автор “Славы Англии”. Банк, указывал Х. М., может дать “готовые деньги” в случае “внезапной срочности”, чтобы “снабдить армады, обеспечить поставки армиям, собрать солдат”. Когда “есть свободное время для обсуждения и... парламент с королем считают это необходимым, банки, может быть, смогут снабжать корону какими-то необходимыми деньгами по разумным ставкам”. Эта возможность поддержать правительство финансово “приведет к уничтожению наших врагов на море и на земле”. Банк также будет способствовать богатству и власти. “Деньги в национальной торговле — как кровь в венах, если она циркулирует по всем органам, тело здоровое; если ее не хватает в каком-то органе, он слабеет”, — отмечал Х. М. “Количество людей вырастет, потому что торговля задействует людей, а также богатство нации: где есть торговля, там будут рабочие места; где есть рабочие места, там появляются люди, там появится потребление новых товаров”» [Пинкус 2017: 540].

⁸⁸ «Виги были убеждены, и отчасти справедливо, что это именно они избавились от Якова и заменили его Вильгельмом и Марией. При этом тори казались довольно равнодушными к новому режиму: как отметил лондонский виг Роджер Моррис в начале марта: “все виги и все фанатики работают на короля Вильгельма совершенно искренне, одинаково и абсолютно верно”» [Пинкус 2017: 405].

⁸⁹ «Сторонники банковских схем и защитники Банка Англии не скрывали идеологических допущений, которые поддерживали их энтузиазм. Один из первых сторонников заявлял, что национальный банк облегчит для короля финансирование его войн, а также облегчит для граждан осуществление обычных плат. И так как Лондон вырос и имеет равную долю в торговле (если не большую) с такими городами, как Амстердам, Гамбург, Генуя и Венеция, где национальные банки уже созданы, он должен иметь такую же поддержку от [нашего] правительства» [Пинкус 2017: 539].

Англии; в частности, Компания южных морей 1720-х была возможна только в том обществе, где коррумпированные политики могли получать преференции от парламента. Если посмотреть на период после прихода к власти Вильгельма III Оранского и вплоть до начала промышленной революции в конце XVIII века, то мы увидим, что экономического прогресса практически не было. То же самое касается и политического прогресса, потому что за десятилетия до промышленной революции на протяжении более сорока лет виги находились в парламенте — это так называемое «правление продажных вигов». В XVIII веке активнейшим образом велась реклама продажи мест в парламенте, коррупция процветала, и никто с ней не боролся до прихода к власти Вильяма Питт-младшего. Активную роль в политической жизни Англии играли так называемые «гнилые местечки», которые позволяли элитам заниматься поиском ренты. Фактически после прихода к власти Вильгельма III Оранского наступает век интервенционизма и протекционизма⁹⁰: не зря даже в конце XVIII столетия Адам Смит пишет о доктрине меркантилизма как господствующей доктрине, предлагая ей альтернативу в виде идеологии невмешательства.

XVIII век проходит под флагом экономической стагнации, ставшей результатом концентрации власти в руках безответственного парламента, который, как выяснилось, ничем не лучше монарха может регулировать экономику⁹¹, и только противовес, существовавший в период правления Карла II между, с одной стороны, парламентом, а с другой — монархом, обеспечил экономическое процветание и сохранение политических прав.

С моей точки зрения, настоящая модернизация Англии в XVII веке происходила не в результате «Славной революции» 1688 г. и не в результате отрубания головы Карла I в 1649 г., а в результате прихода к власти Карла II, того самого либертина, который говорил о том, что «не сказал в своей жизни ни одной глупости, но и не сделал ничего хорошего» — этого оказалось более чем достаточно для того, чтобы феноменально развить общество и культурно, и политически, и экономически.

---

⁹⁰ Серьезно увеличились государственные расходы: «Всего во время Девятилетней войны Англия имела под ружьем более 115 000 человек. Среднегодовой военный расход составил почти 5,5 миллиона фунтов, или около 74 % годового государственного бюджета. Средний годовой сбор налогов во время войны вырос примерно вдвое по сравнению с тем, что был до 1689 г.» [Пинкус 2017: 480].

⁹¹ «Наши налоги так велики, что на все остальное мы испытываем недостаток денег» [Пинкус 2017: 480].

Итоги реформации в Англии: преимущество отсталости

Революция в Англии удалась, и удалась два раза.

Франсуа Гизо [Гизо 1996: 30]

Можно сравнить реформацию с пандемией. Первая волна этой пандемии захватила Англию в первой трети XVI века и прошла по касательной по сравнению с тем, что наблюдалось в континентальной Европе. На макроуровне все правление Тюдоров характеризуется политической стабильностью, отсутствием антиклерикального движения и относительным покоем, несмотря на постоянную перемену «линии партии» Тюдоров. Вторая волна реформации — ее так часто и называют исследователи реформации — захватила Англию уже во времена Стюартов, причем если первая волна характеризовалась борьбой теологических доктрин, то это почти не затронуло Англию, которая смирилась с тем, что мировоззрение англиканской церкви будет в высшей степени эклектичным.

Но вторая волна, менее сильная, чем первая, и менее опасная, характеризовалась тем, что различные религиозные группировки боролись не столько за то, чтобы изменить современное общество и вернуться к жизни первых христиан, о чем мечтали Лютер и его последователи, сколько о том, чтобы получить равные права с другими религиозными группами. Таким образом, вторая волна характеризуется ориентацией на права и свободы, а не на выяснение правильности того, как надо понимать догмат Троицы, за что по приказу Жана Кальвина в Женеве был казнен выдающийся ученый Мигель Сервет (1511–1553).

Получается, что Англия воспользовалась преимуществами отсталости. Так называет свою концепцию Александр Гершенкрон⁹².

Его концепция создана для того, чтобы объяснить то, как страна может быстро развиваться экономически, если до этого она имела низкий уровень благосостояния.

Этот эффект не столько связан с низким эффектом базы, сколько с тем, что отсталая страна может воспользоваться изучением ошибок страны более успешной и за более короткий промежуток времени достичь результата, не повторяя чужих ошибок.

---

⁹² Малиа, соглашаясь с идеями Гершенкрона, отмечал: «Англия не присутствовала при основополагающем событии европейской дипломатии — заключении Вестфальского мира в 1648 г.» [Малиа 2015: 167].

Получается, что Англия смогла воспользоваться своей отсталостью в религиозных вопросах.

К 1640 г. в Англии не было религиозных и гражданских войн, а также революций, в то время как в континентальной Европе миллионы людей погибли с именем спасителя на устах, отстаивая свои догматы. Естественно, в Англии было подавление религиозных свобод, но на макрополитическом уровне сохранялась стабильность. Именно поэтому пуритане и другие секты были убеждены, что в Англии не совершилась реформация. До прихода к власти Оливера Кромвеля у пуритан не было возможности для реализации своих утопических проектов.

Англия хлебнула этих прожектов, но на относительно небольшой промежуток времени — период правления Оливера Кромвеля. Как результат, англичане быстро поняли, что движение по «Срединному пути» куда более разумно, чем попытка построить общество на радикальных принципах, поэтому уже в 1660 г. происходит реставрация, с тех пор монархия никуда не исчезла в Англии⁹³. Даже «Славная революция» была не попыткой уничтожения монархии, а внутриэлитными разборками по поводу того, у кого больше прав: у парламента или у монарха. Спор закончился тем, что больше прав у парламента⁹⁴.

---

⁹³ «Для английского историка совершенно невозможно игнорировать религиозные вопросы, если он хочет объяснить другие явления. Но, несмотря на ожесточенность партийной борьбы, в настроениях образованных англичан преобладали та спокойная веротерпимость и оптимизм, которые характерны для британца XVII века. Верно сказано: «Англия эпохи Аддисона была счастливой не только потому, что имела в прошлом «Славную революцию» 1688 г., но и потому, что имела некогда такого поэта, как Мильтон, такого физика, как Ньютон, и такого философа, как Локк. Все наиболее дорогие стремления британца были осуществлены; конституция была утверждена и «свобода» обеспечена, появились поэты, равные Гомеру и Вергилию, если даже не превосходящие их; был открыт закон, указывающий путь звездам, был выявлен подлинный механизм деятельности человеческого разума» [Тремельян 2001: 357].

⁹⁴ «Первый историк революции, Кларендон, события середины века называл «Великим мятежом», а их политический смысл определял как «гражданскую войну» и «междоусобицу». Потом победители 1688 г. погребли этот мятеж под виговской интерпретацией истории, как ее назовут позже. В следующем веке Дэвид Юм, резко критикуя разрушительный «энтузиазм» пуритан, парадоксальным образом признал, что сбалансированная свобода 1688 г. была бы невозможна без их атаки на абсолютизм. Тем не менее в конце XVIII века Эдмунд Берк, испугавшись, что пример французской революции разожжет тлеющие угольки английского энтузиазма, снова похоронил 1640–1660 гг. под 1688-м» [Малия 2015: 158].

Франсуа Гизо считал, что Англии удалось совершить успешную революцию, причем дважды.

Большинство исследователей считают, что два успеха — это революция 1640–1649-х гг. и революция 1688 г. Как мы старались показать в настоящем препринте, эти два события не могут объяснить то, почему произошла промышленная революция именно в Англии и именно в конце XVIII века⁹⁵. Наиболее успешный период в XVII столетии — это период до «Славной революции» и после Гражданской войны, период правления Карла II. Если выбрать наиболее успешный, с точки зрения развития, период правления Стюартов, то это будет период правления Карла II — с 1660 по 1685 г. Но промышленная революция произошла через 100 лет после «Славной революции», при этом мы выяснили, что Вильгельм III Оранский, вряд ли сделал что-то существенное для модернизации экономики Англии, и то же самое касается сорокалетнего правления «продажных виггов».

Тем не менее у Англии было два успеха — или две победы в революции, выражаясь в стиле Гизо.

Первый успех состоял в том, что в 1534 г. в Англии возникла англиканская церковь — не всегда последовательно, но тем не менее стратегически верно идущая «путем середины», направленной на то, чтобы сохранить гражданский союз и политическую стабильность.

Другая «победа» предшествовала промышленной революции — и эта «победа» в том, что Британская империя потеряла 13 североамериканских колоний. Именно это подтолкнуло Уильяма Питта-младшего к реформам, которые обеспечили процветание Англии. Те реформы основывались на принципах *Laissez Faire*.

Таким образом, 1688 г. нуждается в переоценке. До 1688 г. была борьба ветвей власти, и в ходе нее государство оставляло общество один на один со своими собственными проблемами, что лучше всего способствовало экономическому и культурному прогрессу. После 1688 г. власть сосредоточилась в руках парламента, и главное, о чем он стал думать, — прежде всего, о поиске ренты за счет различного рода законов, статутов, огораживания земли, создания Центрального банка, регулирования экономики. Все это стало повседневной жизнью Англии

---

⁹⁵ «Берк утверждал, что на деле не было никаких инноваций, не было самой революции — состоялась просто рациональная, с оглядкой назад реставрация старого порядка. Революция 1688–1689 гг. не вдохновлялась ни одной новой идеей» [Пинкус 2017: 43].

XVIII века. Доля государственных расходов в ВВП увеличилась после «Славной революции» с 5 % в пять раз — до 25 % к концу XVIII века.

Это не заставило сказаться на темпах экономического роста, которые значительно упали по сравнению с тем, какими они были до 1688 г. Так что удивительным образом для Англии самым успешным периодом был период до «Славной революции», а не после.

В своем знаменитом исследовании «Западная традиция права» американский юрист Гарольд Берман [Берман 1998] пишет о том, что в XI веке произошла папская революция, когда конфликт между императором и церковью привел к реформам Григория VII.

По существу, в Европе появились две конкурирующие юрисдикции: церковь и государство. Один и тот же человек мог обратиться в разные суды в зависимости от конкретной ситуации; между этими юрисдикциями наблюдалась конкуренция. Право граждан возникло стихийно от того, что не вся власть находилась в руках церкви или в руках государства, а в том конфликте, который был неразрывно связан, с одной стороны, со светской властью, а с другой — с духовной властью.

Что-то похожее мы можем увидеть в Англии в период правления Карла II⁹⁶. С одной стороны, Англия прошла через эпоху республики, и эпоха эта англичанам не понравилась. С другой стороны, англичане не могли представить себе возврат к неограниченной власти монарха в стиле Генриха VIII.

На какое-то время монарх и его парламент были чем-то вроде двух конкурирующих юрисдикций в системе Гарольда Бермана. Получается, что для общества очень важно, чтобы власти друг с другом боролись, потому что в этот период у людей оказывается больше свободы.

---

⁹⁶ «Чувство меры в мышлении, дух обоюдных уступок и соглашения, готовность выслушать всякий полезный совет, — вот та почва, на которой выросла английская конституция и на которой, каковы бы ни были перемены, каких потребует дух времени, она будет продолжать свой рост. Мы получили свое умственное и нравственное наследие не от одной только партии из числа тех, которые участвовали в великой междоусобной борьбе... Строгий ум пуританина, широкий взгляд и художественное чутье церковника сделались элементами народной жизни и, когда борьба между ними затихла, принесли еще более обильные плоды добра» [Гардинер 1896: 252].

Литература

Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2014.

Акройд П. Мятельный век. М.: КоЛибри, 2021а.

Акройд П. Революция. М.: КоЛибри, 2021б.

Барг М. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991.

Берман Г. Западная традиция права. М.: Норма, 1998.

Гардинер С. Пуритане и Стюарты: 1603–1660. СПб.: Издание О. Н. Поповой, 1896.

Гизо Ф. История английской революции. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

Ивонина Л. Драма династии Стюартов. М.: Ломоносовъ, 2016.

Кондратьев С. Английская революция XVII века. М.: Академия, 2010.

Лабутина Т. Политическая борьба Англии в период реставрации Стюартов (1660–1681). М.: Наука, 1982.

Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М.: Политическая энциклопедия, 2015.

Мизес Л. Интервенционизм // Регулирование экономики и бюрократия. М.: Социум, 2024.

Мокир Д. Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг. М.: Издательство Института Гайдара, 2017.

Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг.: Очерки по макроэкономической истории. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.

Норт Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.

Пинкус С. Первая современная революция: научно-популярное издание. М.: АСТ, 2017.

Травин Д. Англия: история успеха (Россия Нового времени: выбор варианта модернизации. Доклад 1). Препринт М-67/18. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018.

Тревельян Дж. История Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001.

Усанов П. Загадка промышленной революции: какое событие вызвало промышленную революцию в Англии. Препринт М-99/23. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2023.

Усанов П. Была ли модернизация при Тюдорах? Препринт М-103/24. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024.
Эйри О. Реставрация Стюартов. СПб.: Издание О. Н. Поповой, 1896.
Юм Д. Англия под властью дома Стюартов. Т. 1. СПб.: Алетейя, 2001.
Юм Д. Англия под властью дома Стюартов (1649–1685). Т. 2. Алетейя, 2002.

Carlin N. The Causes of the English Civil War. Oxford: Wiley-Blackwell, 1998.
Coward B. The Stuart Age: a History of England, 1603–1714. London: Pearson, 1980.

Cust R. Charles I — A Political Life. London: Routledge, 2005.
Hutton R. Debates in Stuart History. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004.
Morrill J. Oliver Cromwell. Oxford: Longman, 2007.
Nef J. Industry and Government in France and England, 1540–1640. N.Y.: Cornell Paperbacks, 1967.
Speck W. A. James II. Profiles in Power. London: Routledge, 2002.

Усанов Павел Валерьевич

**Англия под властью дома Стюартов:
удалась ли революция XVII века?**

Препринт М-107/24

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 26.11.2024.
Формат 60x88 1/16. Тираж 20 экз.

